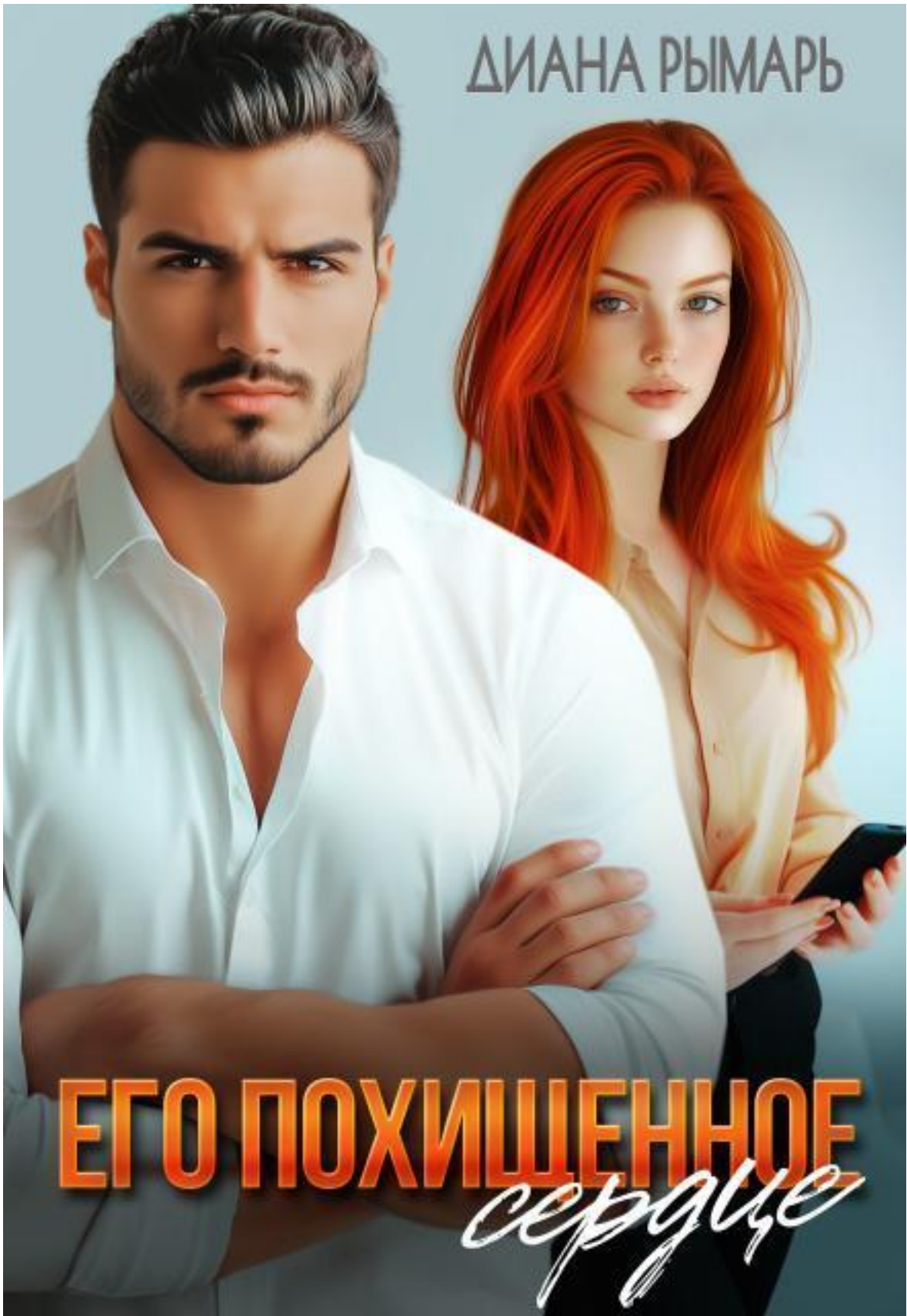

The book cover features a man and a woman. The man, in the foreground, has dark hair and a beard, wearing a white shirt with his arms crossed. The woman, behind him, has long red hair and is holding a smartphone. The background is a light blue gradient.

ДИАНА РЫМАРЬ

ЕГО ПОХИЩЕННОЕ
сердце

Диана Рымарь

Его похищенное сердце

«Литнет»

2025

Рымарь Д.

Его похищенное сердце / Д. Рымарь — «Литнет», 2025

Дина: Мою дочку похитили. Я искала, сходила с ума, писала заявление в полицию. А по дороге домой меня саму затащили в машину, жуткий незнакомец сказал: - Сиди и не рыпайся, заявление заberi, скажи, что ребенок нашелся. Иначе дочку больше не увидишь. Тебе ее вернут, если ее папаша пойдет на наши условия. Тут-то я и понимаю, что цель похитителей не я и не моя дочь, а бывший муж. Ну конечно, что им может понадобиться от простой учительницы, зато мой бывший – большая шишка в строительном бизнесе. - Теперь звони ему, обрисуй ситуацию, - требует бандит. - Пусть папочка выручит малышку. От него всего-то потребуется подписать один документ. Вот только я доподлинно знаю, что бывший муж пальцем о палец не ударит ни ради меня, ни тем более ради дочки, которую он знать не хочет. Я от него пять лет ни слова не слышала. Попроси я его о чем-то, он лишь посмеется. Пытаюсь объяснить это, но подонок достает что-то из-под куртки. Через секунду мне в лоб упирается холодная сталь, и я с запозданием понимаю, что это пистолет. От ужаса давлюсь собственными словами. - Звони! – командует он. Азат: Вижу на экране мобильного имя бывшей. Я столько ждал, желал этого... Но так и не дождался. Пять лет! Едва телефон успевает проиграть часть мелодии я сбрасываю звонок. ♥#♥#♥# Однотомник. ХЭ♥#♥#♥#История родителей Азата тут:

Содержание

Глава 1. Аля	5
Глава 2. Меж двух огней	8
Визуал	11
Глава 3. Звонок	12
Глава 4. Документ	15
Глава 5. Ее версия	18
Глава 6. Его версия	20
Глава 7. Должен	24
Глава 8. Допрос	27
Глава 9. Пробить броню	30
Глава 10. (Не) чувствительный к боли	33
Глава 11. Торг	38
Глава 12. Ставка	42
Глава 13. Совместная ночь	44
Глава 14. Ее кошмары	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Глава 1. Аля

Дина

Это последние слова, что я успеваю сказать дочке перед ее исчезновением:

— Аля, пожалуйста стой спокойно! Сколько можно беситься?

Очень стараюсь скрыть раздражение.

Ходить по гипермаркету с четырехлетним ребенком — то еще испытание. Особенно, если девочка хочет только гулять и шкодить.

Я дергаю ее за рукав свитера с единорогом, строго смотрю.

— Ну мам... — нудит она.

Но все же стоит возле тележки, грустная и обиженная. Даже хвостики на ее голове выглядят не так задорно, как минуту назад.

Мы с дочкой очень разные внешне. Она — брюнеточка со смуглой кожей, а я — рыжая, как лиса. Аля — копия папа, которому она совсем не нужна. И такая же упрямая.

Дочку очень манит отдел игрушек, что находится в соседнем ряду. Однако если я буду покупать ей по игрушке каждый раз, когда мы приходим в магазин, нам никаких денег не хватит. Будем отмечать Новый год с горошком вместо оливье. Тем более вчера она уже выпросила куклу и почти сразу потеряла к ней интерес. Теперь хочет плей-до, которым обязательно обмажет все, что только можно. Проходила, знаю.

Держусь, не обращаю внимания на ее картинные всхлипы. Моя дочурка та еще актрисуля.

Отворачиваюсь к стенду с молоком, показываю, что меня слезами не проймешь. Беру бутылку, изучаю срок годности.

И... работает! Всхлипы прекращаются.

Боясь спугнуть удачу, я усиленно делаю вид, что не обращаю на Алю внимания.

Тянусь за другой бутылкой в надежде найти молоко посвежее, но тут его попросту нет. Решаю не сдаваться, выбираю то, что стоит у самого края полки. Снова просматриваю дату и наконец кладу молоко в тележку.

Все действие занимает от силы минуту-две.

Оборачиваюсь к дочке.

Ее нет.

Быстро оглядываюсь, но Али не видно.

Не паникую, потому что уверена — дочка снова убежала к стенду с игрушками.

Что ты будешь делать с этой разбойницей?

Берусь за тележку и с тяжелым вздохом возвращаюсь к месту, где Аля увидела тот злосчастный набор плей-до.

Однако дочки нет и тут.

Легкая паника закрадывается в душу.

— Аля! — кричу так громко, что оборачиваются покупатели.

Но мне плевать.

Бросаю тележку с покупками и несусь к концу ряда, чтобы проверить, не там ли она.

— Аля! — снова кричу.

Пару минут ношусь как сумасшедшая от ряда к ряду, пытаюсь высмотреть дочку, но ее нигде нет.

Нигде!

И звать бесполезно.

Очень скоро на мои крики собираются люди.

Я выхватываю из сумочки телефон, открываю фото Али — сделала этим утром ее снимок в новом свитере. Тычу фото в лица людей и твержу:

— Вы не видели эту девочку? У меня пропала дочка!

— Спокойно, мамаша. — Ко мне подходит здоровенный охранник в синей униформе. Он говорит что-то в рацию.

Следующие пятнадцать минут сливаются для меня в одну... Тягучую бесконечную вечность.

Двери гипермаркета закрывают, по громкой связи делают оповещение:

— Пропала девочка, Алевтина Морозова, четыре года, одета в красный свитер с единогом. Нашедших просьба сообщить о местонахождении ребенка на информационную стойку.

Это не помогает, никто не бежит ничего сообщать.

— Девочка, с двумя хвостиками, глазки черные, волосы — тоже, в джинсах и красных кроссовках... — продолжаю я твердить разным людям сквозь слезы.

Потом появляется полиция.

Вместе с суровым дядькой в полицейской форме я спешу в комнату видеонаблюдения, где уже сидит серьезный охранник.

Снова судорожно объясняю, где мы были, когда я упустила ребенка из виду.

— Я не знала, что она вот так сбежит, она обычно не сбегает. Я даже не услышала ее шагов... — зачем-то принимаюсь оправдываться.

Но меня почти не слушают.

Люди в форме начинают изучать записи, вскоре находят место и время, когда мы с Алей стояли у стойки с молоком.

Я вижу себя вместе с Алей, которая мается возле тележки с продуктами.

А потом вдруг что-то случается, все изображения с камер пропадают, компьютер выдает какую-то фатальную ошибку. Экраны гаснут и снова вспыхивают, но уже светясь однородным синим цветом.

И все...

Я покрываюсь липким потом, в шоке смотрю на синеву мониторов.

— Ой еее... — тянет охранник. — Не переживайте, у нас иногда бывают сбои.

Он пытается перезагрузить аппаратуру. Слишком долго возится с проводами. По итогу программа так и не реанимируется.

— Прямо так и глюкнуло все на моменте пропажи девочки, — недоверчиво шурится полицейский. — Что-то тут не то.

Тут-то и начинается настоящая беготня.

Следующий час сотрудники гипермаркета вместе с полицией ищут мою пропавшую дочку. По рядам, у кассы, на складе, на парковке — на случай, если девочка все же умудрилась прошмыгнуть на улицу.

Я тоже не могу бездействовать.

Плюю на указания полицейских сидеть на месте и мотаюсь по рядам.

Проклинаю себя за то, что не купила дочке этот чертов плей-до. Ну что от меня убыло бы, что ли? Тысяча рублей всего... Ну измазала бы она диван в очередной раз, никто бы не умер. Пусть бы хоть телевизор измазала, хоть стены.

— Алечка, ты только найдись, я тебе все куплю! — шепчу дрожащими губами.

Дочка не находится.

Я стараюсь держаться, не рыдать бестолку — никому моя истерика не поможет.

Но когда передо мной появляется полицейский и сообщает, что поиски на территории гипермаркета закончены, а Аля так и не найдена, кричу как потерпевшая:

— Как же так! Вы должны ее найти!

Потом следуют бессмысленные разговоры с охраной, меня чуть ли не силком запихивают в полицейскую машину.

Дальше — поездка в полицию, заявление о пропаже, подробное описание девочки.

Вопросы, от которых стынут жилы:

— Били ли вы своего ребенка?

— Сбегала ли Аля раньше?

— Есть ли проблемы в садике? Семье?

А я ведь ее никогда не била. И не теряла, и не сбегала она, и проблем у нас никаких нет ни с окружением, ни с садиком.

— Где отец малышки?

Вопрос, на который я при всем желании не смогу дать ответа.

— В Москве, наверное. Не знаю точно, мы в разводе и не общаемся. Он бы не стал забирать дочку, ему на нас плевать.

— В Москве, говорите? — хмыкает следователь. — Далековато от нашего городка. Вам не звонили с незнакомых номеров, случайно не требовали выкупа?

Я уже не выдерживаю давления:

— Какого выкупа? Я обычная школьная учительница, живу с мамой, какой с меня можно получить выкуп?

После долгого, изнурительного опроса, который мне устроили в полицейском участке, выхожу на улицу.

Я как в прострации, в космосе.

Не знаю, что еще сделать, куда пойти.

Просто бреду по улице, размазывая по щекам слезы, а на задворках сознания плещется мысль — надо бы вернуться в гипер, поискать еще.

Мозг бомбардируют вопросы без ответов.

Как Аля могла так бесшумно от меня сбежать? Я ведь не слышала ее шагов! С другой стороны, в гипер е играла музыка, ходили другие покупатели, их было много, несмотря на будний день. Может, поэтому...

Дура! Какая же я дура! Как я могла упустить из виду собственного ребенка?! Еще изучала эти идиотские даты на молоке, как будто это так важно...

Кретинка! Идиотка! Как я могла?!

Поворачиваю на другую улицу, но едва успеваю пройти десяток шагов, как мне преграждает путь какой-то лысый детина в черной кожанке.

— Девушка, давайте познакомимся? — хрипло басит он.

Я даже не успеваю понять, шутит или нет. Разве не видно, в каком я состоянии?

Не трачу время на ответ, пытаюсь его обойти.

И не успеваю заметить второго детину, который подходит сзади.

— Ой! — пишу, когда меня подхватывают под руки.

Ровно через секунду к тротуару подъезжает огромный черный джип, и меня впихивают на заднее сиденье.

Глава 2. Меж двух огней

Дина

Я инстинктивно съеживаюсь на заднем сиденье. Кожаная обивка холодная и скользкая под ладонями.

Моргаю, в ушах звенит, из горла вырывается короткий, судорожный всхлип.

Но через секунду я прихожу в себя, внутри просыпается что-то дикое, первобытное.

Древний, как мир, инстинкт — бежать!

Не думая о последствиях, бросаюсь вперед к противоположной двери. Нашупываю ручку, дергаю изо всех сил.

Дверь поддается! Еще чуть-чуть, и я...

Грубые руки хватают меня за талию, больно впиваются пальцами в ребра. Меня разворачивают и с силой усаживают обратно на сиденье.

— Ай! Отпустите! — Мой голос звучит жалко и сипло.

Очень скоро оказываюсь зажатой между двумя амбалами, которые садятся по обе стороны от меня. От них пахнет табаком и каким-то резким одеколоном.

— Шустрая какая, — говорит тот, что схватил меня сзади и затащил в машину.

Голос хриплый, словно он всю жизнь курил.

— Шустрая... — растягивает губы в усмешке лысый тип в кожанке.

Впрочем, они оба в одинаковых черных кожанках. Лица тоже похожие — жестокие, с широкими скулами и квадратными подбородками. Близнецы? Отличаются лишь тем, что у того, кто справа, бровь рассечена старым белесым шрамом.

Едва машина трогается с места, меня заливают изнутри паникой. Волны ужаса накатывают одна за другой, в животе все сжимается в тугой узел.

— Остановите немедленно! — твержу я. — Выпустите! Иначе я буду кричать!

Тип со шрамом поворачивается ко мне:

— Да хоть оборись, вообще похер, стекла бронированные, хер тебя кто услышит...

От его слов меня прошибает холодным потом.

Эти типы вообще ничего не боятся! Они ведь похитили меня за квартал от полицейского участка.

И выглядят они устрашающе.

Плечи широченные, словно у штангистов, руки мускулистые. На костяшках пальцев старые ссадины — наверняка от драк. По их лицам видно, что на голову отбитые.

— Выпустите меня... — шепчу дрожащими губами. — Пожалуйста, выпустите...

Голос срывается, и я ненавижу себя за эту слабость. Но ничего не могу поделать с липким ужасом, который парализует каждую клетку.

Тип со шрамом ухмыляется еще шире, обнажая неожиданно белые зубы:

— Дочку увидеть не хочешь? Вот матери пошли, похер им на детей...

Слышу эту фразу и разом понимаю все.

— Это вы ее похитили! Зачем?! Что вы с ней сделали?!

Мне не отвечают.

Наоборот, третий подельник, что сидит за рулем, давит на газ, и следующие десять минут мы куда-то безостановочно мчимся.

Пытка молчанием длится ровно до того момента, как машина резко сворачивает в дворы и въезжает в какой-то задрипанный гараж.

Свет дня сменяется тусклым желтоватым освещением от редких лампочек под потолком.

Машина останавливается. За нами сразу с лязгом закрывают металлические двери какие-то мужчины в грязных спецовках. Их лица скрыты в тени, но слышно, как мужчины перебиваются короткими фразами.

Я в ловушке.

Эти типы могут сделать со мной все что угодно. Избить, изнасиловать или даже убить, а потом закопать где-нибудь в лесу, и никто никогда не найдет.

Но ладно я, а дочка?

Мысль об Але обжигает сильнее любой боли. Что они с ней сделали? Где она сейчас? Плачет ли моя маленькая девочка, зовет ли маму?

Собираю остатки воли в кулак и жду, что они вытащат меня из машины.

Но этого не происходит.

Сволочи продолжают сидеть по обе стороны от меня, даже не думая выходить. Их дыхание обжигает лицо. Тип слева постукивает пальцами по моему колену — явно наслаждается моим страхом.

Я для них — развлечение, как кошка для садистов-мальчишек.

Даже не представляю, что они могли сделать с Алей. И от этой неизвестности схожу с ума.

— Что вам от нас нужно? — спрашиваю, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Тип со шрамом откидывается на спинку сиденья, складывает руки на груди. На его лице играет самодовольная усмешка:

— Цыпа, расклад такой. Ты сейчас делаешь один телефонный звонок. После забираешь заявление из полиции, объясняешь, что дочка нашла, и чешешь домой. Ждешь. Тебе ее вернут, если сделаешь все правильно. Усекла?

Каждое его слово отдается в голове тупой болью. Значит, они действительно держат Алю где-то. Живую? Здоровую?

— Кому я должна звонить? — шепчу.

Тип со шрамом наклоняется ближе, и я чувствую запах мятной жвачки:

— Кому звонят, когда случается беда? Конечно же, мужу... От него много не потребуется, так, документик подмахнет, и все. Ты позвони ему, обрисуй ситуацию.

В этот момент до меня доходит истинное положение вещей.

В животе все переворачивается от понимания.

Как же раньше не дошло?

Им не я нужна! И не моя маленькая Аля.

Зачем им двадцатисемилетняя учительница английского и тем более ее дочка. Им Азата Адамяна подавай. Мой муж — большой воротила в строительном бизнесе. Они с отцом ворочают огромными деньгами.

Мы с дочкой для этих бандитов — всего лишь инструмент давления.

Вот только тут их ждет большой облом.

Попроси я Азата о чем угодно, он лишь посмеется и повесит трубку. Я даже почти слышу этот его надменный, презрительный смех. За пять лет он ни разу не поинтересовался, как живет его дочь. За это и многое-многое другое я его ненавижу.

— Мы в разводе с ним, пять лет не общались, — говорю, отчаянно надеясь, что они поймут безнадежность ситуации. — У него другая жена...

Тип со шрамом качает головой, словно я говорю глупости:

— У тебя старая информация, он в разводе.

— Поймите, — умоляю, — он ничего не сделает, чтобы нам помочь! Он плевать хотел на нас! Он даже алименты не платит!

Я пропускаю момент, когда подонок что-то достает из-под куртки. Через секунду мне в лоб упирается холодная сталь, с запозданием понимаю, что это пистолет.

Настоящий!

Я даплюсь от ужаса, а этому подонку весело.
Он продолжает криво лыбиться и командует:
— Звони!

Визуал

Дорогие, любимые, я подготовила для вас маленький визуал.
Вот как герои выглядят в моей голове:

Надеюсь, визуал вам понравился!
А теперь возвращаемся к познакомимся с Азатом.

Глава 3. Звонок

Азат

Бентли или Феррари?

Я внимательно рассматриваю фото автомобилей на большом мониторе.

Вот уже битый час выбираю подарок отцу на юбилей.

Обед давно закончился, пора приниматься за текущие дела, но день рождения уже завтра, а я безбожно затянул с выбором подарка.

Стоило вообще забыть на это неприятное дело. Ведь что бы я ни выбрал, ему все равно не понравится. Никогда не нравится! Этот мудозвон умудряется каждый раз ввинтить колкую гадость в слова благодарности. К тому же у него полный гараж дорогих авто, на которых он почти никогда не ездит.

Но отцу важен статус, показуха.

Он отмечает юбилей в пафосном ресторане и уже позвал кучу гостей. Партнеры по бизнесу, политики, нужные люди.

Сливки сливок.

И я подумал, что ключи от авто будут неплохо смотреться в качестве презента.

Презента, который ему на хер не нужен.

Впрочем, как и я...

Иногда задумываюсь, на кой черт он вообще меня зачал?

Однако не будь меня, на кого бы он тогда скинул львиную долю ответственности в компании? Я — нужный элемент в цепочке его жизненных свершений.

Нет, я люблю отца, но... Где-то очень глубоко в душе.

Потому что этот гад всю свою жизнь только тем и занимается, что отравляет все вокруг. Матери жизнь испоганил и мне поганил систематически.

Не было бы так мерзко, не будь мы с ним так похожи...

По крайней мере, внешне один в один — оба высокие, смуглые, черноволосые, скуластые. Говорят — я его молодая копия, что по повадкам, что по агрессивному способу ведения бизнеса и общения с людьми.

Не хочу быть, как он, и в то же время непроизвольно его копирую.

Мерзко...

Откидываюсь на спинку офисного кресла, кожа скрипит под весом моего тела.

Снова разглядываю фото автомобилей, потирая виски. Может, все же взять да забыть на подарок? Представляю, как вытянется его морда, если я приду с пустыми руками. От одной этой мысли в душе просыпается злорадство.

От раздражающих мыслей отвлекает мелодичный голос секретаря из динамика внутренней связи:

— Азат Вазгенович, к вам Али Хабиб, говорит, что по важному делу.

Прозреваю, услышав это имя и фамилию. Даже выпрямляюсь в кресле от неожиданности.

С чего бы Хабибу являться ко мне в офис? На хрена, спрашивается?

Это наш главный конкурент в борьбе за тендер на постройку офисного здания в центре Москвы. Проект многомиллиардный и открывает глобальные перспективы, поэтому мы ухватились за него бульдожьей хваткой. По всем параметрам должны выйти вперед.

Хабиб тоже участвует в этой игре, как наш давний и самый лютей конкурент.

Вот только мне прекрасно известно, что он заложил последние трупы, чтобы иметь возможность участвовать в тендере. Недвижку за границей продал, кредитами обвешался, как новогодняя елка игрушками. Но это ему не поможет, ничто не поможет.

Он мне не конкурент.

Просить пришел?

Милостыню?

Авось подам?

Еще не усек, что Азат Адамян милостыню не подает?

— Передай, что я занят, принять его не смогу, — отвечаю снисходительным тоном, потягиваясь в кресле.

Раз он в приемной, наверняка слышит. Пусть позлится, ему полезно.

И в этот самый момент мой личный мобильный оживает противным звонком. Тот единственный телефон, куда звонят только родственники и друзья.

Экран вспыхивает ярким светом, и я вижу фото рыжей зеленоглазой ведьмы, моей бывшей жены.

Сказать, что я охуел, ничего не сказать.

В горле пересыхает, сердце начинает колотиться с удвоенной силой.

Первый звонок за пять лет.

Первый гребаный звонок!

Да она издевается, что ли?! Можно позвонить человеку через неделю после разрыва. Ну или через месяц, в крайнем случае поздравить на праздник какой.

Но ни хрена не через пять лет!

Она думает, что имеет право вот так взять и ворваться в мою жизнь? Прямо вот так брошу все дела и буду с ней разговоры разговаривать?

Да я полгода подыхал после этого гребаного развода! Я имя ее слышать не мог, на рыжих смотреть. Она мне в каждой рыжей девке мерещилась, сука! С улыбкой своей блядской, взглядом нежным.

Сколько я надеялся, что все-таки как-то помиримся, по рукам себя бил, чтобы ей не звонить.

Сколько ждал, что одумается... Или заскучает... Приползет...

Не дождался и близко, а теперь уже поздно.

Да как она вообще смеет мне звонить после всего?

С дичайшим, почти оргазмическим удовольствием я сбрасываю ее звонок.

Палец так сильно давит на красную кнопку, что кажется, еще чуть-чуть — и сломаю телефон.

Сброс звонка.

На хер пошла.

НА ХЕР!

Если так надо, ее величество главная сука моей жизни пусть потрудится, еще раз наберет. Раз, два, двадцать. Не факт, что и тогда возьму трубку, конечно.

Можно заблокировать, и надо бы. Но мне интересно, как низко она опустится, чтобы до меня достучаться. Ведь явно что-то случилось, раз я вдруг понадобился. Факт?

Динамик внутренней связи снова оживает голосом секретаря:

— Азат Вазгенович, Али Магометович настаивает. Говорит, когда вы узнаете о цели визита, будете рады, что выслушали.

— Ладно, пусти. — Скрежещу зубами, сжимая кулаки.

Спущу пар на нем, раз уж бывшая далеко.

В кабинет проходит сухой седой мужик почти двухметрового роста. Сколько ему? Пятьдесят три? Он ведь вроде младше моего отца всего на каких-то пару лет, а уже похож на старика.

Осунувшееся лицо, глубокие морщины.

Дорогой костюм не скрывает того, что Али Хабиб явно переживает не лучшие времена. Должно быть, из-за неполадок с бизнесом нервишки пошаливают, вот и сдал.

Хабиб проходит по кабинету неторопливой походкой, с интересом осматривается.

Вижу, как он цепляется взглядом за картины, за массивный стол красного дерева. Наконец незванный гость садится в кресло напротив моего стола, скрещивает ноги и кладет руки на подлокотники.

Типа хозяин положения, что ли?

Ну так я сотру эту иллюзию из его сознания.

— Неплохо вы тут устроились, Азат Вазгенович, — произносит он, оглядывая кабинет с наигранным восхищением.

— Вашими молитвами... Зачем понадобился? — барабаню пальцами по столешнице.

В этот момент экран мобильного снова загорается фотографией Дины.

Опять звонит... Телефон противно вибрирует на столе, звук эхом отдается в тишине кабинета.

Я отвлекаюсь, пару секунд смотрю на телефон, потом сбрасываю звонок.

Но она звонит в третий раз!

Как же не вовремя. В груди что-то сжимается от злости, предвкушения разговора и какого-то непонятного беспокойства.

— Ваша жена? — спрашивает Хабиб, наклоняясь вперед.

Я на секунду напрягаюсь, потом понимаю, что он видит экран, а Дина до сих пор записана у меня именно так. Я ее не переименовывал в списке контактов.

Снова сбрасываю, откладываю телефон подальше, но он продолжает вибрировать.

— Это не важно, так с чем пожаловали? — буркаю я, меря Хабиба пристальным взглядом.

— Как же не важно? Если жена звонит, всегда надо трубку брать. — Он усмехается, и в его глазах мелькает что-то опасное, хищное.

Не усек, наивный придурок, что главный хищник в этой комнате я.

— Вы пришли поучить меня жизни? Беспокойтесь о своей жене. О моей я позабочусь сам, — огрызаюсь, ощущая, как по шее разливается жар.

— Как угодно. А пришел я к вам с двумя вещами... — тянет он и достает мобильный.

Скоро Хабиб демонстрирует мне на экране фото какой-то мелкой девчонки с черными глазами и хвостиками, явно восточных кровей.

Надо заметить, ребенок симпатичный, даже красивый, но грустный. На лице застыло какое-то отчаянное выражение. Неудачное фото. Одета в красный свитер с единорогом, нелепые джинсы и красные кроссовки. Фон размытый, но похож на какое-то подсобное помещение.

— Зачем вы показываете мне фото? Это ваша внучка? — спрашиваю я с искренним изумлением.

— Вы не знаете, как выглядит ваша собственная дочь? Ах ну да, вы же развелись с женой... — Хабиб откидывается на спинку кресла с довольной улыбкой.

Тут-то меня и прошивает током от осознания.

Глава 4. Документ

Азат

Это дочка Дины!

Ну точно, поэтому бывшая и наяблывает столько раз подряд. Небось, с ума сходит, когда родную кровинку у нее забрали.

А как еще фото маленькой девочки могло оказаться у Хабиба?

На проблемы с интеллектом я в принципе не жаловался никогда. Грустная девочка, стоящая в одиночестве на фото. Во взгляде отчаяние. Матери рядом нет.

Не думал, что Хабиб может опуститься до банального киднеппинга.

Это же последнее дело!

В мозг ударяет боль, словно кто-то долбит по черепу молотом. Руки непроизвольно сжимаются в кулаки, а лицо перекашивается от гнева, который поднимается из самого нутра.

В этот момент я подмечаю довольную ухмылку Хабиба. Этот мудака сидит, развалившись в кресле, и наслаждается моей реакцией, как редкостный садист. Добился, чего хотел, вывел меня на эмоции, ударил в то самое, болезненное. Единственное мое мягкое место. Ахиллесову пятую.

Дина...

То-то этот гондон заявился сюда весь такой уверенный в себе, расселся в кресле, как дома. Знал, чем меня прошибет.

Да, я развелся с Диной, выселил ее на хрен из города, отрезал от себя.

Но это не значит, что какой-то мудозвон может наложить лапу на ее приплод.

И хрен Хабиб угадал, если думает, что я сейчас размякну, как зюзя, бухнусь перед ним на колени и начну умолять, чтобы с девочкой ничего не делали.

Он ведь именно этого добивается. Хочет увидеть меня на коленях.

Как только наглости хватило?

Сейчас ключевое — правильно построить игру. Не показать слабость.

Стираю с лица все эмоции, запикиваю их себе же в глотку поглубже, разжимаю сжатые в кулаки руки и откидываюсь на спинку кресла.

Цинично усмехаюсь, добавляю голосу равнодушия:

— По святому пошел? По детям? Неужели нет других способов удержать бизнес на плаву? Это ли не доказательство того, какой ты хреновый бизнесмен, Али?

Я больше не вижу смысла в вежливом общении с этим уродом.

Он еще не понимает, что подписал себе приговор тем, что полез в мое личное. Но скоро до него дойдет. Когда я доберусь до него — а я доберусь, он пожалеет обо всем.

Это не он меня только что за яйца взял, это я ему их отрежу на хер.

Хабиб наигранно оскорбляется, всплескивает руками:

— По какому святому? Девочка для тебя святое? Живет в хрущевке, ходит в государственный садик, у ее матери даже машины нет. И за пять лет, насколько мне известно, ты ей и сраной куклы не подарил. Такое у тебя отношение к святому?

Даже не собираюсь вступать в бесполезную перепалку о том, как нужно растить детей. Не с этим говнюком.

— Какого хрена тебе от меня надо? Говори коротко и емко.

Хабиб хмыкает, одаривает меня задумчивым взглядом, поглаживает седую короткую бороду.

Видно, все идет не по тому сценарию, что он нарисовал у себя в голове.

— От тебя всего-то потребуется подписать один документ... И матери вернут девочку. Ты сможешь жить дальше. И они смогут. Ознакомься, — произносит он.

Причем делает это таким тоном, словно предлагает мне просто расписаться в получении посылки.

Хабиб кладет на стол пухлую черную папку.

Кожаный переплет, солидный.

На вид — обычные деловые бумаги.

Открываю. Листаю. Вчитываюсь в мелкий шрифт.

Охуеваю от наглости.

А гад пришел подготовленным. Тут, собственно, все. Целый комплект документов, аккуратно подшитых, с печатями.

Официальное заявление в тендерную комиссию о добровольном отказе от участия в конкурсе с подробным обоснованием — типа, изменились обстоятельства, пересмотрели стратегию компании. Договор о продаже доли в дочерней компании, через которую мы выходили на чертов тендер. Даже соглашение о неразглашении информации, чтобы я потом язык не распускал о том, кому и за что слил тендер.

Все учтено, аккуратно подбито одно к другому. Поработали грамотные юристы.

Хоть сейчас вызывай нотариуса и оформляй.

Вот только я никогда этого не сделаю.

Дело даже не в отце, который после этого четвертует меня прямо в конференц-зале.

Я не договариваюсь с уродами и не веду с ними дел.

Поднимаю на Хабиба скучающий взгляд и говорю максимально равнодушным тоном:

— Ты тут только что распиался о том, как я хреново обращаюсь с дочкой. Если я в твоём понимании такой хреновый отец, то с какой радости должен подписывать этот документ? Мотивация моя какая, по-твоему?

По лицу Хабиба проскальзывает почти осязаемое удовольствие. Глаза загораются нездоровым блеском.

— Не подпишешь, твою Дину...

Держу лицо из последних сил.

— Она — бывшая жена, и я плевать хотел...

Хабиб нагло меня перебивает:

— Плевать хотел?

Он наклоняется вперед, голос становится тише, но от этого еще более угрожающим:

— Тогда почему за ней пять лет следят твои люди? Сколько из тех, кто посмел позариться на одинокую мамочку-красавицу, отправились с переломами в больницу?

Вот сука. Знает. Откуда, блядь?

Тоже следил за Диной?

Тут я все же не выдерживаю, хватаю телефон, быстро нахожу в списке контактов Скифа, пытаюсь дозвониться, но безрезультатно. Гудки идут, но никто не отвечает. Это не в его стиле — Скиф всегда на связи.

Хабиба веселит моя суета. Он покачивается в кресле и продолжает, смакуя каждое слово:

— Твоих людей рядом с ней больше нет.

Ублюдок продолжает довольно скалиться и говорит:

— Станешь брыкаться, дальше разыгрывать из себя равнодушного ублюдка, твою Дину трахнут толпой прямо сейчас. Хочешь? Ты ведь так не любишь, когда трахают твоё добро... Потом ей попросту отрежут голову. Не волнуйся, тебе пришлют видео с подробностями.

В этот момент в моем мозгу что-то перегорает.

Я резко забываю все свои намерения держать лицо.

Спектакль летит к чертям.

Бросаюсь через стол к Хабибу, опрокидывая на пол все, что там лежало, включая монитор.

Пытаюсь ухватить этого мудака за горло и хорошенько сжать.

Наверное, если бы удалось ухватить, со всей дури ударил бы его мордой об стол. Размазал бы поганую рожу по красному дереву.

Я уже почти вижу кровь, льющуюся из разбитого носа твари, слышу хруст ломающихся костей.

Но Хабиб оказывается готов к такой моей выходке.

Он резко подскакивает с проворством, на которое не рассчитываешь, глядя на его возраст. Потом хватает тяжелое кожаное кресло и, защищаясь им от меня, выпаливает:

— Если я не выйду из этого кабинета абсолютно целый ровно через пятнадцать минут, твоей Дине пиздец!

Эти слова действуют, как ледяной душ.

Торможу на месте, тяжело дыша.

Резко выпрямляюсь, отряхиваю костюм, как будто успел его испачкать в потасовке. Поправляю запонки и смотрю на Хабиба с показным превосходством:

— Ты что думаешь, тварь? Показал мне фото какой-то девчонки, и я должен вот так, по щелчку пальца поверить во всю эту чушь? Как же, охрану он мою нейтрализовал, дочку похитил, еще и жену...

Хабиб ставит кресло на место, одергивает пиджак и усмехается:

— А ты убедись! Жене позвони...

Шумно дыша, возвращаюсь за стол, нахожу номер Дины и звоню по видеосвязи.

После нескольких гудков экран мобильного загорается, и я вижу заплаканное, искаженное страхом лицо Дины. Волосы растрепаны, на щеке свежий синяк.

Бля-я-ядь...

Она всхлипывает и успевает сказать только одно слово:

— Азат...

Одним этим прошивает мне грудь насквозь.

Но я даже не успеваю ей ничего ответить, только открываю рот, как на экране мобильного появляется другое лицо — бритоголового ублюдка со шрамом на брови. Рожа у него самодовольная, хищная.

— Девка пока что целая, — говорит он. — Радуйся, но это ненадолго.

Дальше связь обрывается.

Мне требуется пара секунд, чтобы прийти в себя.

Виски долбит так, что, кажется, сейчас получу кровоизлияние в мозг.

Поворачиваюсь к Хабибу и хриплю:

— Если твои ублюдки хоть что-то сделают с моей женой...

Хабиб деловито возвращается за стол переговоров.

Садится и с налетом вежливости сообщает:

— Что ты, мы люди культурные, ничего с твоими девочками не произойдет. Если будешь действовать правильно.

Пытаюсь потянуть время:

— У меня недостаточно полномочий, чтобы подписывать подобные соглашения.

Хабиб уже откровенно смеется:

— Всего у тебя достаточно, папочка еще в прошлом году оформил на тебя генеральную доверенность.

Этой фразой доказывает, что в компании завелся крот.

Хабиб встает, снисходительно на меня смотрит и говорит:

— На раздумья у тебя три дня. Я буду ждать тебя в своем офисе. Если хочешь увидеть дочку живой, ты придешь. Искать не пытайся, все равно не найдешь.

А вот это мы еще посмотрим...

Глава 5. Ее версия

Дина

Минуты текут удушающе медленно.

Я все еще в той же машине, сжатая с обеих сторон бандюганами в кожанках.

Они молчат, косятся на свои мобильники и периодически переглядываются.

В салоне авто почти искрит от напряжения, мои нервы натянуты до предела.

Смысла молить отпустить меня я не вижу, ведь не послушают.

И надежды на то, что Азат пойдет на их условия, у меня нет.

Весь мой прошлый опыт с этим мужчиной доказывает, что нет, не пойдет. И жалеть не будет...

Когда я выходила за него замуж, была наивной душой, которая верила в любовь с первого взгляда. Познакомились на вечеринке, куда я и вовсе попала случайно.

От одного его взгляда у меня внутри все плавилось.

Наши отношения начались настолько ярко и бурно, что мне напрочь снесло крышу.

Секс был сумасшедший, я такого, как с ним, никогда в жизни не испытывала. Я вообще ничего, что связано с ним, не испытывала ни до, ни после.

Тогда мне казалось — это он, идеальный мужчина для меня.

После первой же недели дикой страсти однажды утром он просто отвез меня в загс.

Не было ничего: ни родственников, ни свидетелей, ни банкетов. Он просто подарил кольцо и сделал предложение прямо там, в зале бракосочетаний.

Это показалось мне суперромантичным, и я сделала самый необдуманный и самый неправильный выбор в жизни.

А выйдя замуж, наконец поняла, что из себя представляет муж.

Азат — жестокий, беспринципный тип, для него мнение женщины вообще ничего не значит, во всяком случае мое. Он не бил меня, нет. Но иногда мне казалось, лучше бы бил, чем это сумасшедшее моральное давление.

Однако все это были цветочки по сравнению с тем, что началось, когда я посмела попросить развода. Он продержал меня дома больше месяца, лишь иногда наведывался посмотреть, как на выставочный экспонат.

А потом что-то изменилось. Он вдруг стал почти нормальным. Приходил домой чуть не каждый день, оставался ночевать, пытался быть ласковым.

Тогда я уже была на шестом месяце беременности, и мне очень хотелось верить в чудо. Хотелось семью, Азата рядом, чтобы в выходные вместе, в праздники.

Я почти готова была снова ему поверить, раскрыть свое сердце. Ведь любила его! Очень...

Но однажды днем он вернулся домой и без всяких объяснений велел мне собирать вещи.

После нашего развода он почти сразу женился. Альбом мне прислал с фотографиями. Большой такой, красочный, а там этих фото... Свадьбу закатили такую, что гуляло пол-Москвы. Видно, чтобы я почувствовала разницу в отношении ко мне и к новой жене. Она же была правильная, выбранная его драгоценным папочкой, с приданым, с хорошей фамилией. Вся эта информация содержалась в блогах светских львиц, постами которых я давилась.

Я тогда была на седьмом месяце беременности.

Мне было так невероятно больно...

Что в браке, что после Азат сделал все, чтобы пустить мне как можно больше крови.

И теперь вдруг он станет подписывать документы, чтобы спасти дочку, которую в глаза не видел? Уж наверное, в тех документах что-то важное, раз похитители пошли на такое. Ничем важным Азат ради меня и дочки не поступится. И неважным — тоже.

НЕНАВИЖУ!

Но вдруг что-то происходит.

Оба моих тюремщика почти одновременно получают сообщения.

Ухмыляются, очень собой довольные, — явно получили то, чего хотели.

Азат согласился?

— Теперь слушай сюда, кукла, — обращается ко мне бритоголовый со шрамом. — У тебя важная роль...

— Какая? — спрашиваю, еле шевеля искусанными губами.

— У тебя есть три дня, чтобы убедить Адамяна пойти на сделку.

Не согласился, похоже.

У меня из груди вырывается рваный вздох.

— Как же я должна его убеждать?

— Как хочешь, — хмыкает бритоголовый. — Слезу пусти, у тебя это хорошо получается. Бабские уловки подключи, оближи ему там все, жопу свою подставь... Плевать, как. Главное — результат. Иначе тебе вернут дочку по частям.

Замираю на месте, на секунду представив, что могут сделать с моей девочкой.

Она же для меня — все. Абсолютно все! Никого дороже нет!

Задыхаюсь от страха.

Тем временем один из бандитов выходит из машины и рывкает:

— Все, пошла отсюда. И не забудь забрать заявление из полиции... Иначе малышке будет бо-бо...

Дальше меня чуть не силком выпроваживают из проклятого гаража.

Солнечный свет слепит глаза.

Я почти ничего не вижу, не слышу и не соображаю.

Тут из сумочки раздается звонок мобильного, который бандиты заботливо мне туда положили.

Видеозвонок от Азата.

Отвечаю.

— Азат... — стону на выдохе.

— Тебя отпустили? — Он сверлит меня взглядом через экран.

— Да, — киваю, — сказали идти в полицию забирать заявление.

— Не делай ничего, — продолжает командовать он. — Иди домой и оставайся там. С полицией я разберусь сам.

Пытаюсь поспорить:

— Но они сказали...

— Я все решу. Жди дома, — следует короткий приказ, и он отключается.

Легко сказать — сиди и жди. Чего ждать?

Он будет мне помогать? Что и как собирается решать?

Но все-таки в душе прорастает надежда.

Глава 6. Его версия

Азат

Три часа сумасшедшей езды до родного города Дины.

Три часа бесконечных созвонов с безопасниками.

Три часа поисков, которые ни к чему не привели.

Скиф так и не вышел на связь, и ни один член его команды — тоже.

Их найдут, разумеется. И если только выяснится, что он продан Халибу, подвесят за причиндалы.

А пока что...

Я у дверей треклятой квартиры, порог которой запретил себе переступать уже очень давно. С тех самых пор, как привез беременную Дину жить к матери.

Не раз и не два я катался в этот мелкий городишко первые недели после развода.

Все для того, чтобы издалека поглазеть на бывшую жену. Потому что скучал страшно, потому что бомбило, хотелось близости, хоть какой-то... Забрать ее назад хотелось.

Было плевать, желала она того или нет.

Конечно же, не желала, это-то и тормозило.

Я изначально был ей на хер не нужен. И то, что она позволяла мне себя трахать, еще ни о чем не говорит.

Я познакомился с Диной на закрытой вечеринке, куда ее привел мой приятель Давид.

А как он ее презентовал мне, закачаешься просто.

Пока Дина танцевала в кругу с остальными девчонками, он отвел меня в сторону и давай хвастать:

— Смотри, Азат, диковинка. Студентка, отличница, интеллектуалка, а фигура — огонь. Совсем не испорченная столичной жизнью, по клубам не шлялась, ни у кого в туалете не сосала. Девочка, считай, новье. Неопытная, правда, но я ее всему научу...

Дальше следовал детальный рассказ о том, как он ее поимеет, в каких местах и сколько раз.

Я смотрел, как Дина изгибается в танце, слушал Давида и понимал... Что хочу все это сделать с ней сам.

На той вечеринке она настолько контрастировала с остальными блядьми, что я напрочь на ней залип. Даже не фигурой отличалась, там все были длинноногие и грудастые, с обалденными рабочими задницами. Взгляд у нее был особенный, осмысленный какой-то, притягивающий. И губы эти пухлые...

— Уступи, — прохрипел я тогда Давиду.

Друг построил недовольную мину:

— Азат, на кой оно тебе... Тем более я ее уже несколько раз успел...

Меня в тот момент передернуло.

Но я все же настоял на своем.

Давид уступил мне ее в обмен на то, что я заплачу его долг букмекеру, который давно душит процентами.

Друг слился с вечеринки, и его место занял я.

Дина даже не расстроилась, когда он ушел. Просто еще немного потанцевала и засоби-ралась домой. Как будто кто-то отпустил бы ее просто так.

Дина мне потом полночи объясняла, что не рассчитывала на секс-продолжение, что Давид ей лишь друг и он пригласил просто развеяться. Делала вид, что вообще не понимала, что я от нее хочу и почему так настаиваю.

Конечно же, я не поверил ни единому ее слову.

Мог бы взять ее тогда, еще как мог, и ничего бы мне за это не было, но насилие — не моя тема. К тому же с ней хотелось по-другому. Поэтому чинно и благородно отвез ее домой.

На следующий день я уже знал о Дине все. Оказалось, правда тихая девочка, студентка-пятикурсница педуниверситета, будущая учительница английского.

Училка, мать ее...

Правильная, со всех сторон положительная, скромная и на первом свидании не дающая.

Приперся к ее дому вечером с цветами, как последний лошара.

В парке гуляли...

Я с девушкой в парке. Уржаться просто.

Но потом, конечно, в Сочи увез, где мы провели с ней самые охуенные в моей жизни выходные. После того как первый раз переспали, меня на ней окончательно заклинило.

Когда вернулись домой, я ее сразу к себе перевез.

И тут нарисовался Давид с вопросом:

— Когда вернешь ляльку? Нартахался уже? Я тоже хочу... Я тебе ее не навсегда уступал.

Думал, нос ему сломаю, честное слово.

Отдавать, естественно, не собирался, послал друга на хер.

Чтоб никому не повадно было, в ЗАГС ее отвез.

Убил трех зайцев одним выстрелом.

Дину к себе привязал — раз.

Отцу под нос паспорт со штампом сунул — два. Он как раз к тому моменту меня всюю трамбовал — тебе тридцать, пора жениться, невеста давно ждет... Знатно его перекосило в момент, когда понял, что на выбранной им дочке партнера я не женюсь.

Было и третье — немаловажное.

Я отчего-то был уверен, что после штампа в паспорте никто на Дину больше не позарится. Потому что потрапушки с женой Адамяна несут прямую опасность для жизни. Наивный был, чего уж там.

А дальше картина маслом.

Дина объявила мне, что беременна. Я бы, может, даже порадовался, вот только к тому моменту мне уже переслали на почту ее УЗИ, где черным по белому было написано, что срок — шесть недель. А мы с ней месяц назад познакомились, начали трахаться.

Я решил, что ребенок от Давида, а Дина втюхивает мне его, как моего...

Естественно, меня это нехило так взбодрило. Потому что, как по мне, невозможно это — любить мужа и нагло в глаза ему врать.

Потом-то я выяснил, что гребаные гинекологи не могут без сложностей и в заключении пишут не фактические недели беременности, а акушерские — с последних менструаций. Еле дождался, когда Дине уже можно будет сделать ДНК-тест по крови, чтобы выяснить наконец, я ли отец.

В общем, убедился, что Дина не врала. Но все это дерьмище конкретно подпортило наши отношения. Как и факт того, что она перестала со мной спать...

Конечно, Дина отмазывалась по-умному. То ее тошнит, то живот тянет, то доктор запретил во избежание выкидыша.

Но я-то послание считал.

На хер не нужен — вполне четкое послание.

Я ей будто опротивел разом.

А потом она еще и развод попросила.

До сих пор помню ее доводы:

«Ты не такой, как я думала».

«Ты мне совсем не веришь».

«Ты меня ни во что не ставишь!»

Претензий было...

Она этой просьбой о разводе мне сердце в хлам разбила, будто расписалась в том, что вообще меня не любила.

Но я-то любил! Я-то с ума по ней сходил! Даже с чужим ребенком бы принял.

Понятное дело, я психанул, дома ее закрыл. Ждал, когда она остынет, одумается. Кто вообще в здравом уме уходит от такого, как я? Даже если не любила, должна была сообразить, чего лишится.

Подарки дарить пытался, мириться как-то.

Но ей было плевать на мои попытки. Она даже денег моих не хотела. Только и делала, что сверлила взглядом и предъявляла: «Вспомнил обо мне раз за неделю? Где ты был прошлой ночью? Я видела фото с тобой в клубе, одна блогерша выложила...»

Следильщица хренова.

Не брак, а сплошной пиздец, где я у Дины вечно в роли морального уроды.

Но я все-таки на что-то надеялся, пытался наладить отношения, чуть не на брюхе перед ней ползал. Пока не узнал, что в то время как Азату ни в одну дырку ни-ни, бывшему трахалю — пожалуйста...

Когда мне прокрутили запись, где она признавалась Давиду в том, как жалела, что вышла за меня, захотелось выпилиться.

Бывший друг признался в том, что спал с ней, когда выплевывал зубы после моего хука правой.

Я думал, убью ее на хер за такие художества.

Спасло только то, что была беременна.

И ребенок ее мне после этого не нужен.

Я вообще не хотел этого ребенка.

Я Дину хотел.

И женаты-то были всего полгода, а нервов потрачено вагон.

Сейчас мне тридцать пять, после развода прошли годы. А ранит до сих пор так, будто все это было вчера. Особенно теперь, когда бывшая жена так резко и нагло вернулась с мою жизнь.

Самое мерзкое, за что себя ненавижу и презираю, — я готов был простить ее тогда.

Уже после того как развелся, к матери отвез, обрезал контакты.

Если бы она повела себя правильно, по-бабы была, прощения просила, трубки телефонные обрывала... Приехала бы ко мне, наконец.

Я бы дал ей шанс вымолить прощения.

Но вместо всего этого она выдохнула после развода, зажила своей жизнью. Даже не подала на алименты, хотя ребенок записан на меня.

Я вот настолько ей не нужен. Был и есть...

Только сейчас понадобился — в критический момент, когда без меня никак.

Именно за это я не прощу ее никогда — за равнодушие в мою сторону.

Уж конечно, я позаботился, чтобы и она тоже счастлива не была. Хочет жить без меня? Окей, пусть живет. Вот только никого другого рядом с ней не будет. Ни один поганый мужик ее не коснется.

Я так ее наказал.

Да, Хабиб сегодня верно сказал — я очень не люблю, когда трахают мое добро.

Но все-таки...

Какая же она въедливая дрянь, до сих пор сидит у меня под кожей, впиталась и травит изнутри.

Ни забыть ее не могу, ни примириться с тем, что не нужен. Ни простить за то, что не оценила...

Прошу охрану остаться у двери, сам уже поднимаю руку, чтобы позвонить в звонок, и тут вижу, что дверь чуть приоткрыта.

Открываю.

— Запирать не учили, что ли? — зло бросаю, проходя в прихожую.

Морщусь, оглядывая квартиру бывшей тещи.

Тут все так же: бежевые обои, коврик у двери, запах дешевых моющих средств.

— Дина? — зову ее, а у самого в груди екает.

Ведь увижу сейчас... За столько лет первый раз увижу.

И радость какая-то глупая в душе нарастает напополам с горечью.

Ведь она-то мне рада не будет.

Я ей нужен исключительно, чтобы дочку вернуть.

Впрочем, все эти ненужные и непрошенные чувства мгновенно сменяются дикой тревогой, ведь бывшая жена так и не выходит встретить.

— Дина! — зову громче и прохожу, нервно выискивая ее взглядом.

Вдруг опять забрали? Вдруг куда-то рванула...

Но нет, она здесь.

Вижу ее в гостиной.

Дина даже не разулась. Так и сидит в джинсах и кроссовках, прижав колени к груди, испуганно на меня таращится.

Смотрю на нее, и меня накрывает дикими, почти неконтролируемыми эмоциями. Черты ее жадно разглядываю, образ впитываю, кайфую.

Что за адское притяжение у меня к этой девке? Что за дикая зависимость?

Как будто вчера расстались...

Однако то, что я подмечаю, мне совсем не нравится: губы искуса, держится напряженно, по щекам скатываются слезы.

Вижу эти слезинки, искаженное горем лицо, и неожиданно становится ее... жалко.

Ведь очевидно, что она сейчас проходит через ад.

В душе разрастается злость...

Внезапно меня аж всего ломает, корежит от одной только мысли, что какой-то черт так люто обидел мою девочку.

Защитить ее хочется!

Крушить стены, ломать кости, выбивать мозги у каждого, кто причастен к похищению ее дочки.

Как это работает вообще? Что за безумная трансформация во мне сейчас происходит?

Это после всего-то.

После стольких лет, когда я ждал, чтобы она хоть один гребаный раз обо мне вспомнила. Но она ведь не вспомнила. Даже о рождении дочки в свое время не сообщила.

И все же мне дико не по себе от того, как Дина сейчас мучится.

— Азат, — жалобно стонет она.

А смотрит-то как... Как смотрит!

С надеждой, сука.

Будто я ей что-то должен!

А я ей ни хрена не должен.

Но пробирает аж до кишок. Хочется подойти, сесть рядом, обнять.

В лоб поцеловать, просрать ради нее тендер, замуж снова позвать...

Ничего из этого я, конечно же, не сделаю.

Глава 7. Должен

Азат

Мне невыносимо видеть Дину такой подавленной, убитой горем.

Лучше злилась бы, лучше что-то делать пыталась. А такая она... ранит меня. Все мое нутро выворачивает наизнанку.

Каким-то образом мне становится хреново от того, что вижу, как ей хреново.

Наверное, надо бы как-то ее пожалеть, поддержать. Но я ничего этого не умею.

— Встань, — говорю резко, впечатываю в нее суровый взгляд. — Вытри слезы, садись на диван и рассказывай мне все.

Как ни странно, мой приказ действует.

Дина громко шмыгает носом, руками свитшота вытирает слезы. Вправду усаживается на диван, смотрит на меня глазами испуганной лани.

И ни тебе «Азат, спасибо, что примчался», ни тебе «Я ценю, что ты здесь».

Страх этот в глазах к чему? Я что, бил ее когда? Или обижал?

С губ Дины срывается только один вопрос:

— Ты приехал, чтобы мне помочь?

Нет, блин... Просто так тут оказался! Без всякого повода мотался по городу, в котором у меня, кроме Дины, ноль дорогих людей. Дай, думаю, заеду в гости на чай.

Разве непонятно, что если бы я не хотел помочь, то меня бы здесь не было?

Не отвечаю ей ничего.

Беру стул, усаживаюсь напротив Дины, стираю с лица любой намек на чувства, спрашиваю сухо:

— Как это случилось? Я должен знать все.

Дина не спорит, кивает и принимается рассказывать, как поехала в гипермаркет за продуктами, как Аля засмотрелась на набор какого-то там плей-до, хрен его знает, что это вообще такое.

— Я думала, она за ним побежала, пока выбирала молоко...

Чем больше она говорит, тем сильнее я злюсь.

— Стоп, — резко ее торможу. — Объясни мне, может, не понимаю чего. Почему ты ей его не купила? Так сложно было, что ли? Или это особая метода воспитания — обламывать четырехлетних детей, когда просят игрушки? Может, если бы ты купила ей тот гребаный набор, она бы не убежала никуда, и ее так просто не забрали бы?

Дину аж передергивает от моих слов.

В глазах отражается столько вины, столько неприкрытого горя.

Наверное, я слегка переборщил с обвинениями.

Но обвинений в ответ уж никак не ожидал.

Дина вдруг срывается и натурально кричит:

— Вiniшь меня в том, что я не купила ей то плей-до? Серьезно? А ты ребенку за пять лет хоть что-то купил? Хоть куклу какую-то... Соску или резинку для волос?

Круто она сейчас выкрутилась.

Пять баллов просто.

Когда бы еще меня обвинить в том, что я хреновый отец, как не в момент, когда явился выручать ее из задницы, в которую сама же и залезла.

— Ты на нее вообще ни копейки не потратил за всю жизнь... — продолжает возмущаться Дина, активно размахивая руками.

С достоинством выдерживаю этот приступ истерики.

Невозмутимо сообщаю:

— В день ее рождения, о котором ты мне, к слову, не потрудилась сообщить, я создал на ее имя депозитный счет. Весьма приличный, пополняю каждый год... Аля получит к нему доступ, как только станет совершеннолетней. Ты бы об этом знала, если бы потрудилась хоть раз позвонить...

Ей только и остается, что хлопать ресницами.

Что, не ожидала от меня такого, милая? Удивлена, что я не такой гондон, каким ты меня себе рисуешь?

Вслух, конечно, говорю другое:

— Думаю, это снимает с меня вину...

А она выдает:

— Ни черта это не снимает! Неужели ты думаешь, ребенку до восемнадцати лет ничего не нужно? Ни денег, ни внимания...

Она знает, как меня взбодрить.

Но тут малышка Дина тоже не угадала с темой обвинений.

— Так что ж ты сидела на попе ровно, Диночка? — спрашиваю с издевкой. — Что ж не позвонила мне ни разу, не приехала с протянутой рукой? В суд бы сходила, на алименты подала. Я бы, может, даже приехал на заседание, в глаза тебе посмотреть. Хоть как-то показала бы, что тебе нужна моя поддержка. Нет, ты ж у нас птица гордая, тебе от меня ничего не нужно... Так ты мне сказала, когда разводились, верно? К чему сейчас жалобы?

— С тобой судиться? — Она сводит брови у переносицы. — Чтобы ты пригнал сюда свою адвокатскую свору, которая сожрет...

Резко ее перебиваю:

— Просьбы хватило бы, Дин. Простой человеческой просьбы, признания, что ты облажалась как жена, как мать...

Дина снова кривит лицо.

— Какой же ты... — Она отводит взгляд в сторону.

Секунда проходит. Две.

Наконец она снова поворачивается и спрашивает уже совсем другим тоном, почти правильным, просительным:

— Ты поможешь мне ее вернуть? Ведь из-за тебя ее забрали...

Тут она права, да. Если бы не тендер, никому ее Алька не понадобилась бы, как и она сама. Ее тронули, чтобы до меня добраться. И я по итогу верну девчонку, пусть для этого придется перетрясти весь этот гребаный городишко, всю Москву, всю страну... У меня в руках достаточно людских и денежных ресурсов, чтобы это сделать.

Но не я один виноват в том, что девчонку забрали.

Дина виновата ровно так же, и я не дам ей об этом забыть.

— Будь ты нормальной женой, не выпендривайся в свое время, язык свой ядовитый прикуси... Жила бы сейчас со мной в Москве! И никто бы до тебя не добрался. Ты виновата в том, что теперь случилось! Ты!

Она задыхается от моих слов, выплевывает новые обвинения:

— Не я подавала на развод, это сделал ты! И это ты вел себя как последняя...

Я аж подаюсь вперед, буравлю ее жестким взглядом:

— Только попробуй меня оскорби. Ну? Давай! Посмотришь, что будет...

Она резко затыкается, нервно сглатывает, пару секунд моргает, а потом выдает:

— Азат, ты не понимаешь, что ли? Сейчас неважно, что было пять лет назад! Не переноси обиды на нашу дочь. Она ни в чем не виновата, она отличная девочка... Сделай, что они хотят! Пожалуйста...

Обалдеваю от этой детской непосредственности. Или это наивность? Нет, скорее глупость. Или очередное желание выставить меня моральным уродом. Она ведь так это любит.

— Дин? — спрашиваю с усмешкой. — А ты хоть знаешь, что они просят?

Она смотрит на меня обезумевшим взглядом, складывает руки в молитвенном жесте и твердит:

— Что бы ни хотели, что бы ни требовали, отдай это. Пусть вернут...

Нет, она все-таки тупая.

— Серьезно, Дин? — цежу сквозь зубы. — Ты всерьез меня сейчас просишь просрать двухлетнюю работу? Вручить этому уроду мой тендер на блюдецке с голубой каемочкой? С чего ради? Просто потому, что пять лет назад я разок в тебя кончил?

И тут ее несет...

Натурально срывает все стоп-краны.

Я вижу это по ее бешеному лицу.

Дина вскакивает и следующее, что делает, — это бросается ко мне. Со всей дури, на какую только способна, лепит мне оплеуху. Ее отголосок еще долгих пару секунд звучит у меня в ушах, а скула горит огнем.

Я ожидал от нее чего угодно, но не подобного выверта.

Скептически на нее смотрю, жду немедленных извинений. Она ведь должна понять, что натворила сейчас.

Но до нее не доходит вся важность момента.

— Козел! Скотина! — истерично орет она.

И снова замахивается, как будто одного раза ей было мало.

Вот только я не из тех, кто подставляет вторую щеку.

Резко подскакиваю с места, перехватываю ее вторую руку и выкручиваю, а затем прижимаю Дину спиной к своей груди. Надежно фиксирую, чтобы больше не махала конечностями.

— Ты, милая, охренела. Забыла, с кем дело имеешь?

— С козлом я дело имею! — орет она, извиваясь в моих руках в попытках освободиться. — Свинья! Она же твоя дочь...

И все.

Больше ничего членораздельного я от нее не слышу. Лишь бурные рыдания, которые давят на мозг. Они громкие, неудержимые.

Дина буквально воет в моих руках, а я не знаю, что делать.

Обнимаю ее бьющееся в истерике тело и понятия не имею, как успокоить.

Никогда себя более беспомощным не чувствовал.

Нахожу единственную возможность ее переключить и рычу прямо в ухо:

— Это твой способ меня прогнуть? Придумай что получше, этот не действует.

Внезапно все прекращается.

Ее истерики как не бывало.

Она лишь шумно всхлипывает, замирает у меня в руках, тяжело дыша.

А потом я слышу ее обреченный голос. Он хриплый, будто она его только что сорвала:

— Что ты хочешь взамен, Азат? Просто скажи, и я это сделаю...

Как будто это так просто — сказать или хотя бы самому себе признаться в том, что я от нее хочу.

— Я предъявлю тебе счет, Дин, позже. А пока возьми себя в руки, давай сосредоточимся на поисках.

С сожалением выпускаю ее из объятий.

Пусть она билась в истерике, пусть кляла меня последними словами. Но мне все-таки было очень кайфово ее обнимать. Вот такой я гребаный извращенец.

Глава 8. Допрос

Азат

К концу истерики Дины мне приходит сообщение о том, что команда детективов уже на месте, готова приступить к работе.

Часть из них отправляется в гипермаркет трести работников на предмет сговора с похитителями. Часть — в полицию, изъять данные, которые те успели нарыть.

Часть уже поднимается в квартиру.

— Иди умойся, приведи себя в порядок и будь готова отвечать на вопросы, — строго говорю ей.

И Дина включается.

Ощущение такое, будто в ее голове щелкает какой-то тумблер, и она начинает решительно действовать.

Исчезает на пару минут в ванной, выходит с умытым лицом, забранными в тугой хвост волосами. Потом идет к себе, меняет свитшот на толстовку, которая кажется безразмерной.

Выглядит собранной и сдержанной.

Будто только что не топила комнату в слезах, а меня — в чувстве вины.

За это время я впускаю в квартиру техника и двух отставных следаков, которые теперь трудятся в частном сыском агентстве. Паланин и Ижевский, эти двое всегда работают в паре. Специальность у них соответствующая: находят пропавших даже в странах третьего мира, что им Россия-матушка.

Первое, что они делают, — забирают у Дины гаджеты.

Все. Планшет, ноутбук, телефон.

Техник копирует оттуда данные прямо при нас.

— Зачем это? — спрашивает Дина.

Первым отвечает Ижевский, зачем-то приглаживая ежик темных волос:

— Так надо, необходимо отследить все ваши контакты за последние несколько дней. Чаще всего похитители так или иначе связываются с родителями жертвы.

Темноволосый, загорелый, поджарый, он бесит меня одним только фактом, что сейчас стоит рядом с Диной. Но он высококлассный спец, поэтому давя в себе неприятное ощущение, не влезаю.

Дина всплескивает руками:

— Но ведь мы знаем, кто похититель, так?

— Так, да не так, — качает седой головой Паланин. — На момент, когда было совершено похищение, Хабиб обеспечил себе надежное алиби. Он находился в кафе офисного здания «Адам-индастриз», просидел там два часа, засветился на камерах. Есть свидетели — персонал кафе. Затем он поднялся к Азату Вазгеновичу Адамяну. Поэтому, даже если прижать его сейчас, это ничего не даст. Лишь его слово против нашего.

Я вижу, как Дина враз теряется, нервно сглатывает, лепечет, не желая сдаваться:

— Ясно же, что не своими руками...

Паланин пытается ее успокоить:

— Дина Викторовна, поверьте, мы уже проверяем его контакты, всех и каждого из его окружения. Но нам ведь ключевое не его прижать, а как можно скорее найти девочку.

— Дина Викторовна, нам нужно задать вам несколько вопросов, — мягко, заботливым тоном говорит Ижевский, чем выводит меня еще больше.

Это ведь я! Я должен ее сейчас успокаивать, поддерживать.

Но у меня это вышло откровенно хреново пятнадцать минут назад.

Они рассаживаются за столом.

Паланин включает на телефоне запись и засыпает Дину вопросами:

— Перечислите людей из своего ближайшего окружения. Кто-то из них мог забрать девочку?

— Я все это уже рассказывала в полиции, — отвечает она, закусив губу.

— У нас более глубокий подход. Иногда самая незначительная деталь может вывести на местонахождение человека. Видите ли, я более чем уверен, что девочка ушла с кем-то знакомым. Ведь иначе ребенок бы сопротивлялся или кричал. Это бы заметили вы или другие посетители магазина. Но ничего этого не произошло, а значит, скорей всего, ее поманил кто-то, кого она хорошо знает. Напрягите память, расскажите.

И Дина говорит, говорит...

Давит в себе истерику и снова отвечает на вопросы. О том, что делала Аля, какой у нее характер, кто ее подружки, какие у них мамы, воспитатели в садике.

Мне достается роль наблюдателя.

Стою чуть поодаль от стола, упершись о стену плечом, слежу за ходом опроса.

Потому что сам рассказать о девочке я ничего не могу. Это неожиданно цепляет, и больно.

Отцу всегда было на меня похер. Где я, с кем, чем занят. Матери тоже до меня дела не было, да и отец ее особо ко мне не подпускал. Чтобы мямля не вырос, как он выражался.

Я вообще стал его волновать, только когда показал хорошие результаты на втором курсе бизнес-школы. Тогда да... Он меня к себе подтянул, выделил должность в компании. А я, радостный, побежал — еще бы, папа наконец-то меня заметил.

Зато Дина знает про дочку все. В какие места девочка любит ходить, как ест и спит, как ведет себя с незнакомыми. Ее это очевидно волнует, она вся в дочке. Не как моя мать. На любой самый заковыристый вопрос детектива у нее есть ответ.

А я... Как всегда, за бортом всего этого.

Да, я отрезал Дину и ребенка от себя, но, когда это делал, в глубине души не верил, что навсегда. Получилось как получилось.

Только об одном Дина умалчивает, а детективы почему-то не спрашивают.

— Где твоя мать, Дин? — спрашиваю у нее, подаваясь вперед.

— Она в отпуске, поехала по путевке в Геленджик. Ты что, ее подозреваешь?

Подозреваю ли я эту Бабу Ягу? Еще как... Ведь она согласится на что угодно, лишь бы подпортить мне жизнь. С первого дня отравляла наши с Диной отношения.

— В ноябре в Геленджик? Мудро... а главное, как вовремя, — подмечаю с иронией.

— Когда дали путевку, тогда и поехала, — пожимает плечами Дина. — Она же по социальной, год в очереди стояла... Можно даже по геолокации посмотреть, она не покидала Геленджик.

— Или ее гаджет не покидал Геленджик, — хмыкаю я. — Звони ей прямо сейчас по видеосвязи.

И Дина звонит.

Разговор выдается тяжелый. Очевидно, что мать была не в курсе того, что внуку похитили. Она кричит в экран, рыдает, а потом вдруг видит меня на заднем фоне. Я как раз к этому моменту подхожу к стулу Дины.

— И этот ирод там? — разоряется она. — Дина гони его в три шеи, он тебе не поможет! В полицию иди, на этого козла не надейся!

Не выдерживаю, подхожу ближе, забираю у Дины мобильник, громко и четко говорю:

— И я к вам со всем уважением, Алевтина Эдуардовна.

На этом сбрасываю звонок.

Ненавижу эту истеричную суку, которая в свое время только и делала, что капала Дине на мозги, чтобы та от меня уходила.

Какова ирония, что Дина назвала мою дочь в ее честь... Аля, Алевтина. Это имя, как венок на надгробии наших с Диной отношений. Она сама его туда положила. Это как последняя возможность окончательно меня уесть.

Детективы и ухом не ведут, став свидетелями некрасивой сцены. Видно, привыкли к подобному.

Паланин переглядывается с Ижевским и вдруг выдает:

— Интересно, почему они отпустили вашу жену, Азат Вазгенович?

Ижевский поддакивает, сканируя меня взглядом:

— На самом деле, вправду странно, что Дину Викторовну не забрали тоже. Так у них бы было два заложника. Вы не задавались вопросом, почему ее отпустили?

Ха... Задавался первые три секунды, пока плавающий на поверхности ответ не протаранил мне душу.

Если убрать из этого уравнения Дину, хрен бы я когда согласился слить тендер.

Дина мой мотив, ведь она не успокоится, пока ей не вернут дочку. И меня в покое не оставит. Выключет мне весь мозг, выкрутит душу чувством вины, станет убеждать до потери сознания. Сама того не желая, или желая, она будет действовать в интересах похитителей.

Чтобы надавить на меня, она должна быть рядом.

Хабиб сейчас играет на единственном возможном инструменте — моих охрененно больных и извращенных чувствах к бывшей жене. Недаром же за первую жену взялся, а не за вторую. Потому что на вторую мне глубоко похер.

Я подхожу к Дине почти вплотную, наклоняюсь и отвечаю вкрадчивым голосом:

— Потому что Диночка должна меня убедить слить тендер. Так, Дин?

Она нервно моргает, смотрит на меня с ужасом и кивает:

— Они так и сказали, что это моя задача...

Горько усмехаюсь, смотрю на детективов.

— Вот видите, у них весьма конкретные мотивы. — Затем разворачиваюсь к Дине и тихим, но твердым голосом заявляю: — Только вот, Дина, учти, если я узнаю, что ты с ними изначально была заодно, больше дня нормально не проживешь.

— Азат, я не заодно с ними! — чуть не плачет она.

Но ее слова не имеют ровно никакого значения.

Я верю только фактам.

Наконец детективы и техник уходят, вернув Дине ее гаджеты.

Мы остаемся одни.

Дина смотрит на меня пытливым взглядом. Может, даже надеется, что я уйду. Или не надеется...

— Мне пора обратно в Москву, — цежу я, меряя ее строгим взглядом.

— Да, конечно, я понимаю... — лепечет она, нервно сглатывая.

— Собирайся, — заявляю безапелляционно.

— С тобой? Зачем? — Дина искренне удивлена. — А вдруг они найдут Алю...

— Я больше чем уверен, что девочки в городе уже нет, — качаю головой. — Скорей всего, ее увезли, потому что тут ее проще найти.

— Но ты ведь не знаешь наверняка, — спорит Дина. — Ты ведь не уверен...

— Ты в любом случае здесь не останешься. Ты тут не в безопасности, Дин, неужели не доходит?

Надо видеть, с каким выражением лица она идет собираться в дорогу.

Интересно, вправду не понимает, что теперь моя с потрохами?

Глава 9. Пробить броню

Дина

Я внутренне ежусь, когда Азат ведет по мне презрительным взглядом. Особенно останавливается на спортивном рюкзаке, куда я запихала какие-то вещи.

Собиралась на автомате, ведь я с ним ненадолго — только до момента, пока не найдут Алю. Это может случиться быстро, если его люди сработают как надо. Или же...

В любом случае, как бы ни выкрутилось дело, через три дня все закончится.

Так или иначе.

Спазм сдавливает горло, стоит подумать о варианте, если Алю не найдут. Во рту пересыхает, и я непроизвольно слглатываю, но слюна как будто застревает комом.

— Еще затрапезнее рюкзак не могла найти? — цедит Азат, направляясь в прихожую.

Какая ему разница, какой у меня рюкзак? Он нормальный, кстати я с ним хожу с Алей на кружки и прочее...

Стоит вспомнить имя дочки, и горло сдавливает новый спазм.

— Я запрещаю тебе рыдать, — чеканит бывший муж.

Сузив глаза, он наблюдает, как я переобуваю кроссовки, надеваю куртку. Мои пальцы едва слушаются, когда застегиваю молнию.

Давлю в себе эмоции, они сейчас никому не нужны.

Тем более Азату.

Ему всегда было плевать, что у меня на душе.

И все же я благодарна ему, что приехал, что помогает. Это противоречие разрывает изнутри.

Когда мы выходим на улицу, холодный ноябрьский воздух бьет в лицо. Пахнет дождем и опавшей листвой.

Водитель Азата открывает для меня заднюю дверь черного «Рендж-ровера». Быстро ныряю в салон и вздрагиваю, сообразив, что бывший муж усаживается в ту же машину. Ко мне на заднее сиденье.

Зачем?!

Есть же вторая машина, куда садится второй телохранитель и водитель. Азат мог хотя бы сесть впереди, пусть бы телохранитель с переднего сиденья уступил ему место... Зачем такое близкое соседство?

Мне физически дискомфортно от того, что Азат так близко — вытяни руку, и коснешься.

Убеждаю себя не возмущаться.

Спокойно, Дина, спокойно...

Машины трогаются, двигатель урчит мягко и почти беззвучно.

Через некоторое время мы покидаем территорию родного городка. В окне мелькают знакомые пейзажи — детский садик, куда я водила Альку еще вчера, магазин, где мы покупали мороженое... Все это отзывается болью в груди.

Дальше трасса, мелкий дождь, гнетущее молчание в салоне.

Обстановка давит на меня, действует на психику.

Зато Азату все нипочем, он смотрит вперед, сидит с невозмутимым видом. Его профиль строгий, почти как у мраморной статуи. Руки сложены на коленях — холеные, со швейцарскими часами на запястье.

Я с ума схожу от тревоги за ребенка, а он выглядит так, будто ему параллельно.

Впрочем, почему выглядит? Скорей всего, оно так и есть.

И если я что-то не сделаю, не скажу... Я же с ума сойду от этой тишины, от его равнодушия, от собственного бессилия.

— Азат... — шепчу.

Он лениво поворачивает голову ко мне. Во взгляде сплошное раздражение, будто я помешала ему думать о чем-то важном.

И все же я пытаюсь пробиться сквозь стену его отчужденности. Разбудить в нем хоть тень человечности, хоть что-то.

— Я ведь звонила тебе из роддома. Ты обвиняешь меня в том, что я тебе даже не сообщила про рождение Али, а теперь помощи требую... Но я пыталась сообщить! — говорю быстро, боясь, что он меня перебьет или вовсе отвернется.

По лицу бывшего мужа идет судорогой злость. Напрягаются мышцы челюсти, губы сжимаются в нитку.

Пару секунд он молчит, шумно дышит, затем отвечает абсолютно равнодушным голосом:

— Если бы пыталась, я бы знал.

Как он умеет так — говорить без единой эмоции, словно обсуждает погоду?

— Но я звонила тебе! Раз пять звонила... Ты был недоступен.

— Пиздеж... — Он медленно качает головой. — Я знал, когда тебя повезли в родовую палату. Знал точное время рождения. Ждал звонка. Ты не позвонила.

Что?! Он все знал? Даже точное время? Следил? Зачем?

— Но я звонила! — повторяю с отчаянием.

Он делает вид, что не слышит меня, демонстративно отворачивается и смотрит вперед на дорогу.

— Твой телефон был недоступен, и я подумала, что ты меня заблокировал. Поэтому я отправила сообщение, фото... — спешу объяснить.

Он снова смотрит на меня с пренебрежением.

— Я не блокировал тебя, иначе сегодня ты бы также до меня не дозвонилась, рассуждаешь? Так что твои жалкие попытки сейчас как-то извернуться и что-то придумать, смешны и нелепы. Уж сообщение-то дошло бы...

— Я отправила сообщение не тебе, а твоей помощнице, чтобы передали. Хотела написать твоему отцу, но он бы точно не передал, поэтому...

— Хватит врать, Дина!

Его резкий тон бьет по нервам, и моя истерзанная психика реагирует новой порцией слез.

Тихо всхлипываю, пытаюсь как-то успокоиться, чтобы еще больше его не бесить.

А Азат добивает:

— И хватит ныть! Достала уже.

Ему легко говорить — хватит ныть. Он-то Алю не любит...

Но не может же он всерьез быть таким черствым сухарем. Пусть толком не признал дочь, и все, что она от него получила, это лишь фамилия. Но она ведь маленькая девочка, у мужчин в природе должно быть заложено защищать детей, разве нет?

Дрожащими руками лезу в карман куртки, достаю телефон. Долго копаюсь в старых сообщениях мессенджера в отчаянной надежде найти то самое. Я ведь ничего не удаляла.

И нахожу.

Переписка с Иванной, личной помощницей Азата все еще в истории, я ведь за это время так и не поменяла телефон.

— Вот! — показываю ему свой мобильный. — Я правду говорю, тут дата есть... И фото.

Азат с невозмутимым видом берет мой мобильный в руки. Некоторое время смотрит на фото, ведет по экрану пальцем.

Затем возвращает мне телефон.

Не говорит ни слова.

На лице та же безразличная маска, только желваки на скулах поигрывают. Это единственный признак того, что он вообще живой человек.

Затем Азат достает свой мобильный, что-то кому-то пишет. И снова как ни в чем не бывало смотрит вперед на дорогу.

— Тебе не передали? — спрашиваю дрожащим голосом.

Он молчит. Вообще никак не реагирует ни на мое признание, ни на вопрос.

Впрочем, для какой-то реакции, наверное, нужно, чтобы ты хоть что-то значила для человека. Так?

Открываю то самое фото, что по дурости и наивности отправила ему в день родов. Алька там лежит с красным личиком, укутанная в белую простынку. Такая крошечная, такая до сумасшествия милая... Она была такой беспомощной тогда, такой маленькой.

И я снова непроизвольно всхлипываю, потому что не знаю, как смогу жить, если ее мне не вернут.

Снова смотрю на Азата, а тот и бровью не ведет.

Машина мчит по трассе на скорости, по стеклу продолжает барабанить дождь.

Все молчат — его водитель, телохранитель, сам Азат.

Ну не может живой человек быть таким сухарем! Не может...

— За что ты нас так ненавидишь? — вырывается у меня отчаянный вопрос.

— Ты много думаешь о себе, Дина, — хмыкает он. — Ненависть — сильное чувство, которое могут вызывать только значимые люди.

Он не договаривает, но ему и не нужно. Ведь мне и так ясно, что мы с Алей в его жизни не значим ровным счетом ничего.

Но я все-таки не могу успокоиться, не могу понять.

— Азат, она маленькая девочка, она ничего плохого тебе не сделала! И никому вообще не сделала. Как ты можешь так равнодушно...

— Дина, хватит лепить из меня монстра. Это ты ее пять лет растила, а я впервые увидел сегодня на фото. Каких чувств ты от меня ждешь? Я даже не знаю ее.

В его словах есть какая-то жуткая логика, но я не могу с ней согласиться.

— Так узнай! — стону на выдохе. — Хочешь, я расскажу тебе о ней? Она очень рисовать любит, я вожу ее на занятия. Вот, хочешь посмотреть ее рисунки?

Зачем-то судорожно листаю галерею фото, сую экран телефона Азату в лицо.

— Посмотри, она талантливая. Еще она очень животных любит. Летом были в контактном зоопарке, посмотри, вот ее фото с зайчиком...

На фото Алька смеется, прижимая к себе пушистого зайца. Ее глаза светятся от счастья, на щеках румянец. Помню тот день — она была в розовом платице в горошек, которое сама выбрала в магазине.

Как бы отреагировал любой нормальный человек, если бы ему показали фото малышки с зайчиком? Улыбнулся бы, посмотрел внимательнее, похвалил. Хотя бы из вежливости.

Азат же лишь колко смотрит в мою сторону и сообщает с раздражением:

— Дина, мне неинтересно.

Его слова обжигают меня, будто кислотой.

Господи, на что я рассчитывала вообще? Всерьез надеялась, что в нем проснутся какие-то отцовские чувства?

Больше не говорю ему ничего. Прячу телефон, забиваюсь в самый угол сиденья и отворачиваюсь к окну.

И вот на этого человека я возлагаю надежды?

Его и человеком после этого не назовешь...

Эмоциональный кастрат!

Глава 10. (Не) чувствительный к боли

Азат

К моменту, когда мы наконец подъезжаем дому, Дина умудряется полностью выдоить меня морально.

Сидит всю дорогу как истукан, только тихо всхлипывает, и все. А я чувствую себя последним мудаком, потому что успокоить ее нечем.

И без того сердце не на месте. Каждую секунду жду, что напишут безопасники.

В самом деле, сколько могут продолжаться эти поиски?

Мне обещали, что Алю найдут за несколько часов, максимум к вечеру. Однако детективы отмораживаются короткими сообщениями из разряда: «Работаем», «Новостей пока нет», «Проверяем гипотезы».

Проверяльщики херовы!

На Дину уже смотреть страшно.

Я все боялся, что она начнет расспросы, как там и что. Хорошо хоть, у нее хватило мозгов этого не делать. Ведь если бы мне позвонили с какими-то новостями, она услышала бы.

Смотрю на нее, и складывается ощущение, что Дина впала в анабиоз.

Сидит, сжавшись в комочек, и будто больше не воспринимает реальность.

Сначала разбередила душу своими гребаными признаниями и фото дочки, а потом будто перешла сознанием в параллельное измерение... Вообще больше ни слова мне не говорит.

Вот на кой ей понадобилось ковырять мне грудь рассказами про Алю? Не понятно, что мне тоже от всей этой ситуации херово?

Это же я прошляпил. Это я не уберег...

За последние часы это дошло до меня с убийственной ясностью.

Вообще не надо было отпускать Дину, жила бы в Москве под надежной охраной. Тогда бы ни одна сука до нее не добралась.

Но когда только развелись, злой был безумно, не мог думать логически. Потом сталкиваться с ней не хотел, сердце беречь. Зато теперь рискую никогда с собственной дочкой даже в теории не столкнуться.

Выхожу из машины первым. Слежу за тем, как водитель открывает перед Диной дверь. Она выбирается медленно, словно каждое движение дается ей с трудом.

— Отведи Дину Викторовну в мои апартаменты, — команду одному из телохранителей. — Ты остаешься с ней.

Наконец Дина оживает:

— Азат, ты вот так уедешь? Не надо! Останься... Пожалуйста!

От ее слов у меня внутри все скручивается.

Но остаться не могу, потому что еще чуть-чуть, и сорвусь к херам. Начну орать или, еще хуже, обещать то, чего обещать нельзя.

— Уведите ее, — команду строго.

Пересаживаюсь в другую машину, и меня везут на ковер к отцу. Ведь ему уже доложили, что безопасники начали трусить сотрудников компании на предмет связей с Хабибом.

Мне дорогого стоит не обернуться, хоть взглядом не проследить за Диной, когда ее уводят в подъезд элитного многоэтажного дома.

Замечаю в боковое зеркало, как она идет, сгорбившись, рядом с телохранителем.

Кто бы знал, как мне больно видеть ее такой.

Довольно скоро на телефон приходит фото с камеры, установленной в моей прихожей. Дина проходит в квартиру.

Все, эта задача закрыта, по крайней мере она в безопасности и под контролем, а значит ничего не натворит.

Смахиваю оповещение и тут же открываю то самое фото крошечной Али из роддома, которое по-быстрому переслал себе с телефона Дины еще в машине.

Пялюсь на него и вдруг вижу приписку, читаю:

«Сегодня я родила нашу дочь. Вес: 3,04 кг, рост: 51 см. Ты приедешь на выписку?»

Сука...

Снова пишу безопаснику: «Нашли Иванну? Из-под земли мне эту пададь достаньте!»

Лично хочу удавить за то, что не передала.

Иванна уволилась четыре года назад, и после этого я ее не видел. Никогда бы не подумал, что личная помощница может вот так подставить. Скоро выясню, зачем ей это понадобилось.

Я годами ждал звонка Дины... А он был! Оказывается... Наверное...

Не знаю, соврала ли, что звонила. Но сообщение ведь отправила.

Да, в нем нет ничего такого. Ни тебе: «Люблю, Азат», ни хотя бы: «Скучаю», ни гребаного: «Ты нужен». Фактически только спросила, хочу ли увидеть дочку. Но все-таки это далеко от тотальной ненависти и безразличия.

Меня выхлестывает от накативших эмоций. Дине я, понятное дело, ничего не показал, чтобы не выглядеть тряпкой. Ведь то, что она сообщила мне о дочке, никак не отменяет тот факт, что мать моего ребенка — гуляющая блядь.

Блядь, которую я все еще люблю...

Сегодня имел несчастье убедиться, что чувства никуда не делись.

Прошелся голыми ступнями по углям прошлых отношений, изрядно обжегшись.

Пока меня везут к отцу, как гребаный мазохист, открываю папку с фото, скачанными техником из мобильного Дины.

Там просто до хуя фото и видео.

Дина и Аля. Аля и Дина. Везде.

На качелях, в парке, уток кормят на речке, рисунки дочки, лепка. Аля с подружками, Аля гладит какого-то пушистого кота. Дина читает ей книжку перед сном, завязывает бантики, учит кататься на велосипеде.

Пока еду к отцу, перед глазами проносится жизнь.

Короткая жизнь одной конкретной маленькой девочки, которая очень на меня похожа. Те же глаза, тот же упрямый подбородок.

Добывает последнее фото, где Аля в том самом красном свитере с единорогом. Я видел подобное фото в телефоне Хабиба сегодня утром.

Вот только на фото, сделанном Диной, девочка выглядит совсем по-другому.

Смешливые глаза, розовые щечки, шаловливая улыбка, забавные хвостики. Что надо было сотворить с ребенком, чтобы через короткое время он смотрел в камеру с таким отчаянием, как на фото Хабиба? Хорошо, что Дина не видела того фото.

Хуево, что я то фото помню до мельчайших подробностей.

Отец ждет меня с нетерпением.

Как только подъезжаю к родительскому загородному особняку, меня сразу провожают в его кабинет. Массивные дубовые двери, запах винтажного коньяка и сигарного дыма. Все как всегда — солидно, дорого, подавляюще.

Он мерит шагами кабинет, как тигр в клетке. Очень просторной и со вкусом меблированной.

На столе дымится чашка кофе, рядом лежат какие-то документы.

— Азат, где ты едешь так долго? До меня дошли слухи... — Он поворачивается ко мне.

— Это не слухи, папа. Хабиб отчего-то решил, что ему по силам взять нас за яйца...

Я сажусь в кресло напротив массивного стола, жду, пока отец устроится.

Смотрю на него и вижу себя лет через двадцать. Те же черты лица, тот же жесткий взгляд. Как бы мне ни хотелось думать, что я не такой, как он, сходство пугающее.

Та же манера держаться, те же жесты.

Я выкладываю ему все: про тендер, похищение Али, поиски.

Рассказ про Алю его ожидаемо не интересует. Все, что он выхватил из моей речи, — это угрозу проиграть тендер.

Отец откидывается в кресле и мерит меня раздраженным взглядом.

— Азат, я понимаю, почему ты ввязался в это дело. Престиж, не потерять лицо и так далее... — Он скрещивает пальцы.

— Что? — Не понимаю, к чему он клонит.

— Боишься, люди будут обвинять, что не уберег дочку, променял ее на тендер. Но это все шелуха... — Он машет рукой, словно отгоняя муху. — Ладно бы будь вы с Диной все еще женаты, тогда да. Чтобы не потерять лицо, пришлось бы вывернуться наизнанку, но вернуть девочку. Однако вы давно в разводе, и мало кто знает, что ты записан как отец. Это не станет достоянием общественности. Никто не осудит, когда ты откажешься...

Обалдеваю от таких его рассуждений.

Ребенок пропал, пусть отец никогда не признавал внучку. Но она — ребенок, маленький и ни в чем не повинный.

— Позволить Хабибу скрутить девчонке голову? Или продать куда-то? — спрашиваю с вызовом, наклоняюсь вперед. — Так ты советуешь мне сделать?

— Хабиб не дурак, он не сделает девчонке ничего. Рано или поздно мы ее найдем. — Отец пожимает плечами, словно обсуждает сводку погоды. — Это вопрос времени.

— А если сделает? Чтобы ковырнуть большее, — спрашиваю я, вскидывая на него взгляд. — Он ведь ненавидит нас. Что если его люди пришлют нам ее палец или ухо... Осталось два с половиной дня, а потом неизвестно, что случится с девочкой.

— Не психуй, Азат. Я ведь тебя знаю... — Он внимательно смотрит на меня. — За твоей безразличной миной так и пляшут бесы, я их вижу. Но и ты возьми из моих слов рациональное зерно. Будь это хотя бы мальчик, внук, наследник, тогда еще как-то можно было бы... Но это девочка. И если твоя команда ее не найдет... — Он делает паузу. — Дашь Дине денег, чтобы заткнулась, и отправишь домой. Не вздумай идти на поводу у Хабиба. Ты хорошо меня понял?

Я понял, да.

Посыл отца имеет весьма очевидное значение.

Когда в очередной раз за этот бесконечный день оказываюсь в машине, меня прошибает страх.

Новостей об Але никаких.

Если моя команда не найдет зацепок... Если они перероют все и не найдут девочку, что я буду делать?

Дина ведь мне никогда не простит, если не верну Алю.

А я? Я сам смогу с таким жить?

Сука, взял бы этого Хабиба, подержал за горло... И подержу! Ох как подержу! В свое время.

Попадаю домой уже глубокой ночью, ведь разговор с отцом отнял кучу времени и энергии. Но, наверное впервые за прошедшие годы, меня по-настоящему сюда тянет.

От Дины ничего хорошего не жду. Все, на что она способна, — это в очередной раз заклеить меня последним козлом и сверлить обиженным взглядом.

Но все-таки не пойми откуда появляется это особенное чувство, что она дома.

Она со мной...

Там, где должна быть.

Пусть попала сюда уродливым, далеким от нормальности способом.

Прохожу в апартаменты, киваю дежурному телохранителю.

— Где Дина Викторовна?

— В ванной, — отвечает он.

Осматриваю квартиру. На кухне стоит нетронутый ужин, который накрыли для Дины. Выглядит аппетитно — стейк из семги, блюдо с хлебной нарезкой, сыр, салат. Но она к нему даже не притронулась.

Проверяю время — уже за полночь.

Ко мне подходит телохранитель и сообщает с некоторым беспокойством:

— Азат Вазгенович, Дина Викторовна уже два часа как в ванной. Там течет вода, но, возможно, что-то не так. Она так и не вышла.

У меня в груди аж все обрывается от мелькнувших в голове образов.

Дина в ванной одна.

Два часа!

Могла упасть и стукнуться головой о край ванной или раковины. Или вовсе разбила зеркало, взяла в руки осколок и от отчаяния...

Мне аж дышать становится сложно от такой перспективы.

Отгоняю ужасные образы, несусь к ванной.

Долблю в дверь как сумасшедший, а в голове снова рисуются кровавые образы.

— Дина! Дин, ты в порядке?

Некоторое время в ванной слышится лишь звук воды, что доводит меня окончательно.

— Дина, твою мать, открой немедленно или я выбью дверь!

Снова громко стучу.

Неожиданно ручка дергается, и дверь приоткрывается.

Влетаю внутрь и вижу, что Дина цела и невредима, по крайней мере внешне.

Она сидит прямо на кафеле все в тех же джинсах и толстовке. Взгляд потерянный... И этот ее взгляд мне как ножом по сердцу. Невыносимый взгляд.

— Ты не нашел ее, да? — спрашивает она обреченным голосом.

Все прочитала по моему лицу.

Киваю.

Дина отворачивается, снова впечатывает взгляд в кафельную плитку и будто прекращает существовать.

Ей сегодня крепко досталось, да и я подлил масла в огонь... Но это цветочки по сравнению с тем, что ее ждет в ближайшие дни, если не переломлю ситуацию.

Если не верну ей дочку, Дина с ума сойдет.

И никогда... Никогда меня не простит за это.

Денег ей дать за дочку, ага. Гениальный совет выдал мой папаша...

Дина кинет их мне в рожу, а потом выйдет в окно. Вот и все.

Шумно вздохнув, шагаю к ванной, закручиваю кран.

Некоторое время стою над Диной, пялюсь на искаженное горем лицо, а потом сажусь рядом — прямо на пол.

Пусть корявая, но это моя попытка ее поддержать. Показать, что я здесь, с ней.

— Азат, что будет, если твои люди не найдут никаких зацепок? — Голос у нее тихий, хриплый. — Если дойдет до того самого... Ты... Ты позволишь им...

Она буквально полосует меня своими вопросами и предположениями.

В этот момент я принимаю ни хрена не простое решение.

Глубоко вдыхаю и говорю, взвешивая каждое слово:

— Видишь ли, Дина, для своей женщины я бы сделал все, что угодно. Отстегнул бы, сколько нужно, слил тендер, если придется. Все бы отдал... Я подчеркиваю, для своей дорогой, родной женщины сделаю все. И вопроса даже стоять не будет.

— А я не дорогая тебе, не родная... Да? — Она поднимает на меня глаза, полные слез.
— Я тебе никто?

— Вот и я тебя спрашиваю сейчас. — Смотрю ей прямо в глаза. — Кто ты мне, Дина? Хорошо подумай и ответь. Либо ты моя женщина, ради которой я пожертвую всем. Либо никто. Каков твой ответ?

Глава 11. Торг

Дина

Слушаю его и не понимаю ровным счетом ничего.

Что ему надо от меня? Чего он хочет?

Чуть приподнимаюсь с холодного пола и подбираю ноги под себя. Упираюсь спиной в стенку ванной и снова смотрю в темные глаза Азата.

Он даже бровью не ведет.

Так и продолжает сидеть рядом на кафеле, смотрит со странным, напряженным ожиданием.

На секунду мне кажется, будто он на грани срыва, но старательно это скрывает.

— Кто ты мне? — повторяет он свой идиотский вопрос.

А я не знаю, что ему ответить. В голове каша, сердце колотится как бешеное, от усталости и стресса меня слегка потряхивает.

— Разве не ты должен решать, кто я для тебя? — спрашиваю с надрывом. — Значим ли мы с Алей для тебя хоть что-то...

— Алю сейчас не примешивай, — резко обрывает он. — Хорошо, спрошу по-другому.

— Просто скажи, что тебе нужно! — почти кричу.

Глаза Азата вспыхивают недобрым огнем, он стискивает челюсти, некоторое время молчит и наконец отвечает:

— Ты.

Я вдруг ему нужна? В качестве кого? Или... чего?

— Но я ведь не вещь какая-то... — бормочу растерянно. — Если ты хочешь, чтобы я что-то сказала или сделала...

— Я невнятно изъясняюсь, Дин? — перебивает он с раздражением. — Я хочу тебя. Всю. Себе...

От его слов внутри все переворачивается. Неужели он...

— Ты про секс, что ли? — выпаливаю, чувствуя, как в груди вскипает негодование. — Ты всерьез думаешь, сейчас подходящее время... Когда моя дочь...

— Женщина, ты резко поглупела или вообще меня не слушаешь? — рычит он, наклоняясь ближе. — Хорошо, я опять перефразирую, чтобы тебе было понятнее. Я предлагаю начать все с чистого листа. Наши отношения. С начала. Такими, какие они были, когда мы только-только поженились. Сейчас достаточно внятно объяснил?

Сказать, что я в шоке, — ничего не сказать.

Что творится в его голове? Он часом не двинулся за эти годы? Или это какая-то новая изощренная попытка?

Начать с начала, с того момента, как поженились...

Неожиданно меня накрывает волной воспоминаний о том коротком, но жутко сладком периоде моей жизни.

Я так его любила тогда... Буквально до отключки мозга.

Помню, как он только перевез меня к себе. Поцеловал в губы и уехал на работу. А я... Наивное создание, прибираться начала, готовить. Хозяйку из себя строила, нет чтобы сообразить, дура, что у него, вообще-то, есть домработница.

Правда, тогда он жил в квартире попроще, и там не околачивалось ни одного телохранителя. Обычная жизнь была, почти как у всех.

Готовить, к слову, в двадцать два года я совсем не умела.

Дома за этим всегда следила мама, а когда я уехала в Москву учиться, нам с подружками было не до изысков. Огурцы с помидорами нарезали, курицу купили — и отлично.

В общем, скромный запас блюд, которые умела готовить более-менее прилично, состоял из куриного супа, бутербродов и вафель, которые с детства обожаю.

Предположила тогда, что суп Азату вряд ли понравится, особенно учитывая, по каким ресторанам он меня водил. Поэтому решила сделать вафли.

В тот вечер они у меня впервые не получились, хотя я очень старалась. Чуть подгорели, и сахара оказалось недостаточно. Попыталась исправить положение вареной сгущенкой, но получилось откровенно так себе.

Уже собиралась выбрасывать шедевр своего кулинарного мастерства в мусорку, как Азат вернулся домой. Удивленный и польщенный тем, что я попыталась что-то приготовить для него сама, он расцеловал меня и нахваливал мой десерт.

Мы пили чай на кухне при приглушенном свете, целовались, смеялись над какими-то глупостями, а потом занимались любовью прямо там, на кухонном столе. Страстно, нежно... Я тогда думала — вот оно, счастье.

На следующий день уже ничего не пыталась готовить, понятное дело. Чтобы не позориться окончательно. Тем более что домработница в тот день как раз приходила и забила холодильник вкусной едой.

Когда Азат вернулся с работы и я накрыла на стол, он вдруг остановился в дверях кухни и сказал с какой-то особенной интонацией:

— Я так понимаю, вчерашние вафли были разовой акцией?

Краснея и бледнея одновременно, я призналась ему, что повар из меня паршивый, но, если ему нравится, буду стараться. Он подошел, обнял меня сзади, уткнулся носом в мои волосы и признался в ответ, что от моих подгорелых вафель ему стало тепло на душе.

Это удивительное время, когда Азату было со мной тепло, а мне с ним.

Жаль, что оно очень быстро закончилось.

Позже я узнала, что беременна. Вот только Азат не обрадовался совсем... Я думала тогда, он детей не любит, очень расстраивалась по этому поводу. А когда потащил на ДНК-тест... Поняла, что он даже не верил, что это его ребенок.

Будто ножом по сердцу полоснул.

С тех пор у нас больше ничего хорошего не было в отношениях. Только боль, подозрения, взаимные обиды.

Он сделал мне тогда так нечеловечески больно... До сих пор делает и, кажется, получает от этого огромное удовольствие, садист чертов.

Что он от меня хочет теперь? Чтобы я, как робот, забыла все плохое и вернулась в то состояние слепой влюбленности?

Для чего ему это? Для того, чтобы еще раз со вкусом меня сломать?

В этот момент в мысли врывается низкий голос Азата:

— Я так понимаю, это «нет»?

Надо видеть, как он в этот момент на меня смотрит.

Будто я тварь какая-то, которая прямо сейчас пытается его щипцами. Будто придушить меня хочет. Будто я — причина всех его бед.

Но это длится всего пару мгновений.

Я буквально вижу новую трансформацию, происходящую на его лице. Еще секунду назад там отражались пусть злые, но живые человеческие эмоции. А теперь он снова надевает на себя маску бесчувственного ублюдка, которому на все плевать, особенно на меня с дочкой. Ту самую маску, через которую не пробиться, как ни старайся. Я ведь сегодня днем уже пыталась.

Нет, нет, нет, не надо...

Мне снова хочется плакать. В горле встает ком, глаза начинают жечь от подступающих слез.

— Азат, пожалуйста, не делай этого! — слова срываются с губ. — Не делай...

— Чего не делать? — пожимает он плечами с показной невозмутимостью. — Я сижу спокойно сейчас, слова тебе плохого не сказал.

Он все это произносит вроде бы обычным голосом, но я вижу — уже отгородился, уже не воспринимает меня как живого человека. В его глазах появляется ледяной холод, от которого хочется съежиться.

Еще секунда-другая, и я потеряю с ним даже этот хрупкий контакт.

Он снова прекратит со мной разговаривать, станет относиться, как к безмолвной и бездушной кукле, как сегодня днем в машине.

Если хочу вернуть Алю, мне нельзя этого допустить. Нельзя!

— Я согласна! — выпаливаю торопливо, хватая его за рукав пиджака. — На все согласна... Что бы ты там от меня ни хотел, все сделаю!

В его глазах мелькает что-то...

Удовлетворение? Триумф? Трудно понять.

— Хорошо, — кивает он медленно. — Но у меня есть условия. Слушай внимательно, Дина, и запоминай. Ты больше не споришь со мной, не истеришь. И мы не вспоминаем про прошлое. Совсем.

— Э-э... — Это все, что я могу выдать.

Как это в его стиле — вообще ничего не обсудить.

— Но Азат... — начинаю я.

Он качает головой и повторяет:

— Не споришь, это закон в моем доме, слушаешься с первого раза. С этого момента ты теперь снова моя. Ты это понимаешь?

Ах ты ж сучий потрох... Совсем не оставляет мне отходных путей.

— Да, — киваю, чувствуя, как внутри все сжимается.

— Я рад, — произносит он почти ласково. — Ты сейчас сделала правильный выбор, Дина.

А это мы еще посмотрим, ведь у нас все же не рабовладельческий строй. Так что Азата ждет большой сюрприз потом, после всего. Но пока что мне и вправду лучше прикусить язык и изображать саму покорность. Ведь по-другому с ним не сладить.

Наконец я решаюсь на тот самый важный вопрос:

— Так что ты будешь делать дальше, Азат? Я по поводу Али...

Он вскидывает бровь и отрезает в свойственной ему манере:

— Завтра ты получишь дочь обратно, я позабочусь.

Услышав это, я выдыхаю.

Смотрю на него с благодарностью.

Решаюсь на новый вопрос:

— Так как все будет? Ты позвонишь этому гаду и...

Он перебивает меня:

— Это уже не твое дело.

Торопею от такого его ответа.

А Азат добавляет с нотой заботы:

— Ужин остыл, но, если хочешь есть, тебе приготовят новый. Поужинай сама и ложись спать, тебя устроят в хозяйской спальне. А у меня еще дела.

Ну конечно же, у него дела. А как же еще? Я даже не удивлена.

Азат поднимается с пола и с невозмутимым видом направляется к выходу из ванной. На пороге оборачивается:

— Считай, что с этого дня я тебя простил.

И исчезает, оставляя за собой легкий аромат одеколона.
А я остаюсь сидеть на холодном кафеле, оглушенная его последними словами.
Надо же... С этого дня он меня простил.
Простил? Seriously?
За что, блин?

Глава 12. Ставка

Азат

Первое, что делаю после разговора с Диной, это пишу своему финансисту. Плевать, что сейчас глубокая ночь. Мои работники должны быть на связи двадцать четыре на семь.

Ухожу в кабинет, тяжело оседаю в кожаное кресло. Пальцы сами собой массируют виски — голова тяжелая от напряжения.

Включаю настольную лампу. Всматриваюсь в сообщение, отправленное финансисту.

Не переборщил ли с запрошенной суммой? У любого нормального человека от такого количества нолей башню снесет.

Уже через полминуты мне перезванивают.

Слышу легкую хрипотцу в голосе сотрудника, явно его разбудил.

— Доброй ночи, Азат Вазгенович, что-то случилось?

Не трачу время на предисловия, сразу перехожу к сути. В деловом разговоре лишних слов не бывает:

— К завтрашнему вечеру подготовьте мне требуемую сумму в евро, переведите на офшорный счет. Подготовьте неименную карту для этого счета и доставьте мне до юбилея отца. Это критически важно.

— Эм... — Мой финансист подвисает на несколько секунд, и я почти физически ощущаю, как он переваривает циферки. Слышно даже, как он сглатывает. — Я так понимаю, это презент для вашего отца? Если так, то надежнее будет перевести деньги в...

— Это не презент для отца, — пресекаю дальнейшие споры холодным тоном. — Выполняйте.

На этом отключаюсь, кладу телефон на стол.

Подарок отцу, ха.

Нет уж, у меня для дорогого родителя на завтрашний юбилей найдется другой, гораздо более шокирующий презент. Какой — он завтра узнает. Он его на всю жизнь запомнит, старый ублюдок.

Откидываюсь в кресле, потираю подбородок, задумавшись.

Потом захожу в банковское приложение, чтобы оценить масштабы прорехи в бюджете, которую сам себе устроил последним распоряжением. Цифры на экране мелькают, складываются в расчеты. Финансисту придется изрядно напрячь жопу, чтобы к нужному времени успеть сбыть акции и облигации на требуемую сумму. Потому что таких денег у меня на счетах попросту нет в свободном доступе.

Но дыра в бюджете — это все-таки не тендер просрать...

Если все выгорит, мое состояние похудеет на энную сумму, Хабиб уйдет довольный, Дина получит Алю. Все обойдется малой кровью.

Ведь по итогу чего хочет этот ублюдок? Денег. Только денег, больше ничего его не интересует. У таких типов вместо сердца — банковский счет.

Он может заработать их на тендере или же просто получить готовыми.

За дочку Дины я предложу ему такую сумму, от которой его гнилое сердце зайдется в предынфарктном состоянии. Пусть подавится, сука. И сдохнет от счастья.

Чем не вариант?

При таком раскладе есть еще один значительный плюс — отец не свихнется из-за слитых в унитаз лет работы и упущенных перспектив. Или свихнется. После моего завтрашнего презента.

Усмехаюсь одними губами.

Подарок будет от души... И прямо в печень.

Некоторое время копаюсь в делах, просматриваю отчеты, срочные письма, на которые сегодня не было времени.

Усталость накатывает новой волной. Веки наливаются свинцом.

Пора спать. С Диной.

Мысль о ней согревает изнутри. После всех этих лет...

С ней сегодня все прошло на удивление гладко. Я даже не ожидал такой покладистости. Думал, заистерит, начнет сверлить меня обиженными взглядами в своей манере, станет требовать объяснений, закатывать сцены.

Но нет. Согласилась почти без боя.

Не то чтобы я оставил ей какие-то варианты... А впрочем...

Наверное, девочка за пять лет поумнела и что-то в этой жизни поняла. Или просто материнский инстинкт пересилил гордость. Как бы то ни было, оно мне на руку.

В любом случае я больше не могу и не хочу ее отпускать от себя. Хватит с меня этих игр в кошки-мышки. Начать с нуля — здоровое решение для нас двоих. Взрослое решение, взвешенное.

К тому же я бы в любом случае больше не отпустил от себя ни ее, ни Алю. Уже один раз девчонок тронули, ничто не мешает повторить подвиг. Еще раз выставить меня лохом... Я такого больше не позволю никому.

Нет, останутся со мной.

И на моих условиях.

А то, что на хер Дине не нужен был все это время... Ну что ж, я как-то это переживу. Мужик я или кто? Мы с ней построим качественно новые отношения.

Все, что нужно будет сделать, так это подкорректировать ее поведение, отношение ко мне.

Она полюбит меня со временем. Раньше ведь за что-то любила.

Еще благодарна будет, что я сейчас сделал выбор за нас двоих. Женщины любят, когда мужчины берут на себя ответственность.

Поднимаюсь из-за стола, выключаю лампу. В коридоре горит только дежурное освещение — мягкие светодиодные полоски вдоль плинтусов.

Выхожу из кабинета и спрашиваю у телохранителя:

— Дина Викторовна поужинала?

— Она все еще в ванной, — следует короткий ответ.

Да чтоб ее... Медом ей там намазано, что ли?

Тяжелым шагом направляюсь туда.

Похоже, корректировать придется дохрена. И начинать нужно уже сейчас.

Глава 13. Совместная ночь

Азат

Когда я вваливаюсь в ванную с гулко бьющимся сердцем, обнаруживаю, что Дина хотя бы больше не на полу.

Впрочем, тот факт, что она сидит на краю ванны и снова смотрит на то, как из крана льется вода, меня ничуть не успокаивает.

Что за медитация у нее такая, черт побери?

Плечи у нее съжились, словно Дина пытается стать меньше, незаметнее.

Сидит как истукан — даже не обернулась на мои тяжелые шаги.

— Что ты тут делаешь до сих пор?

Дина вздрагивает, поворачивается. Глаза красноватые, будто опять плакала.

— Я... — Она сглатывает. — Мне просто надо было подумать...

Подумать ей надо было...

Думать в принципе полезно, но не в случае Дины, ведь ей только дай волю, тут же такое себе нафантазирует, причинно-следственные связи подтянет, выводов наделает таких, что вовек не разгребешь. Прекрасно помню эту ее особенность.

— Я четко сказал: ужинать и спать. — Делаю шаг к ней. — Что было в моем послыле непонятного?

— Я ведь просто сидела в ванной, ничего плохого не делала. — Дина снова пытается спорить. — Почему ты так злишься?

Не очевидно ей? Меня попросту выхлестывает такое ее поведение, это сидение на одном месте, взгляд в одну точку. Она что, не понимает, что я за нее волнуюсь? Так ведь и до клиники недалеко. Читал про такое — сначала ступор, потом полный отрыв от реальности.

Я пытаюсь хоть как-то вернуть ее в нормальное состояние, а Дина упирается рогом. В общем, все как обычно.

— Дин, послушание — ключевой пункт нашего с тобой нового договора, — с шумом вздыхаю. — Ты на это согласилась. В чем проблема?

Она тянется к крану, на этот раз выключает его сама.

— Все, нет проблем, я сделаю, как ты скажешь, — отвечает она покорно.

Но в глазах все та же настороженность.

Сцепляю зубы, чтобы не продолжать ругаться. Беру ее за руку.

Дина еле заметно морщится, видно, что ей этот контакт против шерсти, хотя руку не отдергивает. А мне хочется с силой сжать, потому что бесит такое ее отношение. Будто я какой-то прокаженный.

Сдерживаюсь, веду ее в коридор.

— Голодная? Будешь ужинать?

В холодильнике полно всякой хрени, повар всегда оставляет несколько готовых блюд на выбор.

— Нет... — Она качает головой, прядь волос падает на лицо. — Ничего проглотить не смогу.

И я тоже, если честно. После всех сегодняшних событий каждый из моих внутренних органов свернулся жгутом.

— Тогда спать.

Веду ее в свою спальню, по пути прихватывая брошенный ею в коридоре рюкзак. Даже не разобрала его, упрямая ослица! Шнурок какой-то торчит из приоткрытой молнии.

Когда привожу ее в комнату, Дина с опаской осматривается. Взгляд скользит по серым стенам, массивному комоду, большому окну с задернутыми шторами.

Спальня ей явно не нравится, хотя тут ничего ужасного нет. Самый обычный интерьер в серых тонах, большая кровать, дверь в гардеробную.

— Это комната для гостей? — неуверенно спрашивает она.

Да господи боже мой, ты пробыла тут без меня не один час, неужели даже не удосужилась осмотреть апартаменты?

— Нет, это моя спальня. — Бросаю ее рюкзак на кресло, он приземляется с глухим стуком. — Ты будешь спать здесь. Со мной.

Надо видеть, как увеличиваются ее глаза при моих словах. Такое незамутненное удивление, как будто она в принципе не может представить меня с собой в одной постели.

— Ты серьезно, Азат? — Ее голос поднимается на полтона.

Даже становится интересно, чего она от меня ожидала.

Что все будет, как тогда? Когда она свинтила от меня с вещами в другую комнату и хрен больше пустила в свою постель?

— Договорились же: все начинаем с тобой сначала, к чему сейчас...

Дина перебивает:

— Но ты не предупредил, что началом будет секс!

При этом она отступает на шаг.

Скриплю зубами, аж челюсти сводит от напряжения.

Не то чтобы я не ожидал чего-то подобного.

Но я не понимаю, зачем Дина все усложняет. Понятно ведь, что будем вместе спать рано или поздно. Еще как будем, и много-много раз.

Я хочу ее, очень.

Кроме того, мне необходимо снять этот дикий стресс. Секс идеально подходит для такой цели, разве она не в курсе? Хочу целовать ее, ласкать, брать снова и снова, пока не отключимся от усталости.

Но ведь не воспримет же, не откликнется. Сейчас так уж точно, еще, чего доброго, начнет отбиваться, как дикая кошка...

Как бы мне этого ни хотелось, трахать ее сегодня, пожалуй, будет перебор.

Не хочу еще больше ломать ее психику.

— Просто спать, Дин, — выдыхаю, разжимаю кулаки. — Сегодня ничего большего я от тебя не требую. Только спокойный сон.

Слышу, как она выдыхает.

Ну да, конечно, это ж такое облегчение, что не надо со мной трахаться.

— Но даже если так, я вряд ли усну, не смогу... — Дина тербит край рукава, взглядом бегаёт по комнате.

— Тебе необходимо поспать, чтобы перезагрузиться. — Иду к прикроватной тумбе, выдвигаю верхний ящик. — Я помогу тебе с этим.

Достаю упаковку таблеток снотворного.

— Ты принимаешь их на постоянку? — Дина приподнимает бровь.

Пожимаю плечами:

— Иначе вообще не сплю.

Естественно, не уточняю, что дикие проблемы со сном у меня начались сразу после развода. Еще один подарок от Дины.

— Прими таблетку, раздевайся и ложись в постель. — Протягиваю ей пилюлю и бутылку воды со стола.

Наблюдаю за тем, как она берет в рот таблетку, морщится — видимо, для нее горькая. Запивает водой, ставит бутылку на прикроватную тумбу. Потом открывает свой затрапезный рюкзак, с минуту перебирает вещи.

И вдруг сообщает убитым голосом:

— Азат, я не взяла ничего для сна...

— И что? — Хмрюсь. — Проблема какая?

— Я не смогу с тобой спать в одном белье... — Она отводит взгляд. — Пожалуйста, можно я сегодня переночую в гостевой? Она же у тебя, скорей всего, есть...

— Нет, — отвечаю категорично. — Теперь ты ночуешь только в моей постели, и никак по-другому, Дина, привыкай.

— Ну пожалуйста... — Она смотрит на меня умоляющим взглядом.

— Ты с ума меня сведешь... — Провожу ладонью по лицу. — Ладно!

Но вместо того, чтобы позволить Дине уйти в другую комнату, хватаю свой халат с кресла и ухожу сам.

Устраиваюсь в соседней гостевой, злой как черт.

Все-таки ей снова удалось выпереть меня из постели. Из собственной! Кровать здесь жестче, подушка непривычная, но бесит, конечно, не это.

Некоторое время кручусь в постели, решая, хочу я сегодня вообще спать или нет. Стоит ли принимать таблетку? А вдруг ночью что-то случится? Вдруг Алю найдут? Мне необходимо будет срочно реагировать, вдруг что.

Так и лежу в кровати, ворочаюсь с боку на бок. Мысленно прокручиваю возможные варианты развития событий завтрашнего дня.

А примерно в три часа ночи слышу крики из комнаты, где оставил Дину. Это не просто крики, это вопли, полные ужаса!

Меня мгновенно прошибает адреналином. Не помня себя, выпрыгиваю из постели прямо как есть — в одних трусах.

Бегу к ней, готовый ко всему.

Глава 14. Ее кошмары

Азат

Мчусь по коридору, ноги сами несут меня к спальне. От крика Дины у меня волосы на затылке дыбом.

На полпути сталкиваюсь с телохранителем — Макс выскочил из своей комнаты, судя по всему тоже услышал вопли.

— Шеф, что случилось? — Он уже тянется к дверной ручке.

— Стой! — резко выставляю руку, преграждая ему путь. — Я сам разберусь.

Макс хмурится, но послушно отступает. И правильно делает, со мной лучше не спорить, когда дело касается Дины.

Распахиваю дверь и влетаю в спальню, готовый к чему угодно. К похитителям, грабителям, убийцам — черт знает, что мое больное воображение успело нарисовать за эти секунды бега.

Но в комнате только Дина.

Она лежит на полу возле кровати, свернувшись калачиком. Больше не кричит — только тихо, жалобно стонет, прижав руки к груди.

И она практически голая, блядь!

В одном спортивном лифчике и трусах, которые, может, и прикрывают все необходимое, но явно не предназначены для посторонних глаз. Хорошо, что не пустил сюда телохранителя.

Закрываю за собой дверь, иду к Дине.

— Дин, ты упала? — Опускаюсь на колени рядом. — Ударилась?

Она не отвечает.

Вообще никак не реагирует на голос, словно меня тут нет.

Подбираюсь ближе, всматриваюсь в ее лицо в желтом свете ночника. У Дины закрыты глаза, дыхание хоть и прерывистое, но относительно ровное.

Она спит. На чертовом полу спит!

По напряженному, искаженному гримасой боли лицу сразу понятно — ей снится кошмар. Скорей всего, поэтому кричала.

Осторожно касаюсь ее плеча:

— Дин?

Она снова стонет, еще крепче сжимается в комок, будто пытается спрятаться от чего-то страшного. И не просыпается.

Снотворное крепко ее держит. Я дал ей сильнодействующее, сам иногда с трудом утром прихожу в себя от такой дозы. А Дина весит меньше меня килограммов на тридцать, а то и на сорок.

Кладу ладонь на ее обнаженное плечо и чертыхаюсь — кожа ледяная. Она дрожит мелкой дрожью, видно, что замерзла на холодном полу.

Не раздумывая, просовываю руки под ее тело — одну под колени, вторую под спину — и поднимаю. Дина легкая, почти невесомая, но чувствую, как напряжены все ее мышцы, словно она готовится к удару.

Укладываю ее обратно в постель, на левую сторону — там она всегда спала раньше. Когда мы были вместе. Когда она не отшатывалась от моих прикосновений и не смотрела на меня, как на прокаженного.

Тогда я всегда спал справа, а чаще всего — вплотную прижавшись к ней. Мне было кайфово чувствовать ее тепло, дышать запахом ее волос, просыпаться с ней в обнимку...

Стоп, сейчас не время для таких воспоминаний.

Натягиваю на Дину одеяло, за каким-то хреном аккуратно подтыкаю края, чтобы ей было уютней. Она сразу расслабляется, черты лица разглаживаются.

На секунду она снова становится той самой Диной. Спокойной, милой, доверчивой. Моей Диной.

Той, которую я когда-то любил...

Люблю. До сих пор, хотя она этого ни хрена не заслуживает.

Отойти не могу.

Стою рядом с кроватью, смотрю на ее умиротворенное лицо и чувствую, как что-то сжимается в груди. Как давно я не видел ее такой...

Но спокойствие длится недолго.

Очень скоро Дина начинает ворочаться под одеялом, морщит лицо, с губ снова срывается жалобный стон.

— Тихо, тихо... — шепчу, не выдерживая.

Больше не думаю ни о чем. Приподнимаю одеяло и ныряю к ней в постель.

Обнимаю, чтобы успокоить.

И охреневаю от того, как хорошеет уже мне.

Я так давно ее не обнимал. Не прижимал к себе, не чувствовал этот сладкий аромат ее кожи — что-то среднее между ванилью и теплым молоком. Прямо пир для моих изголодавшихся по ней рецепторов.

Дина во сне податливая, мягкая. Не сопротивляется, когда я укладываю ее на бок, устраиваю ее голову на своей руке, прижимаюсь грудью к ее спине.

— Ш-ш-ш, — шиплю ей в ухо, поглаживая по волосам.

Целую в макушку, зарываюсь носом в шелковистые пряди. Плыву в дофаминовом экстазе, балдею от того, что Дина наконец в моих руках.

И думаю: какого черта я лишал себя удовольствия все эти годы?

Пусть развелись, да. Но спать-то я с ней мог.

Рука сама скользит вниз, к застежке лифчика — она у нее спереди. Щелкаю крючок, потом подныриваю пальцами под чашечку и накрываю ладонью возделенную грудь.

Немного ее потрогаю, и все, честно-честно. Это моя награда за то, что разбудила среди ночи, и пофиг, что я не спал.

Кожа у Дины чистый шелк. Сосок мгновенно твердеет от моего прикосновения, щекочет центр ладони.

Естественно, у меня моментально встает. Стандартная реакция на любое касание Дины, особенно когда на ней практически ничего нет.

Не могу сдержать тихий стон, когда вся кровь стремительно отливает от мозга к паху. Член упирается ей в круглую попку через ткань трусов, и это настолько охренительно приятно, что хочется кончить прямо здесь и сейчас.

Просто отодвинуть ее трусики, направить головку к сладкому входу и вогнать до самых яиц...

Хочу до безумия. До рези в паху, до помутнения сознания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.